

4. РУССКОЕ МОРЕХОДСТВО В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (до 30-х гг. XIII в.)

В истории русского мореходства период феодальной раздробленности характеризуется прежде всего тем, что отныне морские походы не диктуются одним политическим центром, как это имело место в период образования и расцвета Киевского государства, а предпринимаются из разных мест, вразброд, в различных направлениях и с различными целями.

Тем не менее нельзя говорить о прекращении активности русских на море со времен распада Киевского государства. Однако стало традицией и, надо сказать, дурной традицией исторической науки утверждать именно это.

Причем обычно ссылаются на половцев, отрезавших Русь от южных морей Черного, Азовского и Каспийского, на могущественную кочевую стихию Дешт-и-Кыпчак,¹ которая оторвала от Руси Посулье и Поморье, сделав «землей неизвестной», и сказочное Лукоморье и древнюю Тмутаракань.

Если и говорили о русском мореходстве той поры, то имели в виду только плавание по Балтийскому и Белому морям, походы удалых молодцев-новгородцев, плавания вольницы ушкуйников, поездки поморов. Считалось само собой разумеющимся прекращение активности русских в южных морях, обусловленное господством в Причерноморских степях половцев, и также не вызывало сомнения утверждение, что единственным выходом Руси на широкие морские просторы явилась узкая полоска побережья Финского залива от Карельского перешейка и до устья Наровы, да пустынные берега неприветливого и холодного Белого моря.

Мы не собираемся отрицать роли Балтийского и Белого морей в русской военно-морской истории и в истории море-

¹ Дешт-и-Кыпчак, т. е. Половецкая степь (половцы-кыпчаки), в Европе тянулась от Днепра до Волги и Урала, от границы лесной полосы со степью и до Крыма и Северного Кавказа.

ходства на Русь вообще, но имеющиеся в нашем распоряжении и отнюдь не неизвестные до сей поры факты дают право утверждать, что русские суда бороздили воды Черного и Каспийского морей и в тот период времени, когда Русская земля представляла собой множество «самостоятельных полугосударств» (И. В. Сталин) — княжеств. Великий водный путь «из варяг в греки», непрерывно функционировавший, несмотря на то, что почти все время летом, у порогов мелькали печенежские всадники, не заглох и позднее, когда половецкая волна залила все Черноморские степи. Так же, как их пращуры в X в., плавали в Царьград в XII в. купцы «гречники», весной плыли по Днепру вниз, а осенью поднимались вверх русские суда, везя в Царьград меха и мед, воск и челядь, а оттуда привозя «паволоки, и золото, и серебро, и овощи разноликие». Только немного по-иному называлась эта древняя прямоезжая дорога, сменившая название «из варяг в греки» на «греческий путь». Конечно, беспокойно бывало на ней не раз, да и половцы были неизмеримо сильнее печенегов. Не всегда, видимо, помогали и такие чрезвычайные меры, которые принимал напр. Мстислав Изяславич, вышедший в 1170 г. навстречу купцам «гречникам».¹

Не раз приходилось князьям посылать воев на помощь купцам. Так, напр. в 1167 г. Ростислав «посла... Володислава Ляха с вой, и възведоша Гречники».²

А прошел год, и целая коалиция князей и земель: «Мстислав из Володимера, Ярослав брат его из Лучьска, Ярополк из Бужьска, Володимер Андреевич, Володимер Мьстиславич, Глеб Гюргевич, Рюрик, Давид, Мьстислав, Глеб Городеньский, Иван Ярославич сын, и Галичская помощь» вышли навстречу купцам, двинулись на юг «и стояша у Канева долго время, дондеже взиде Гречник и Залозник, и оттоле възвратишася въсвоися».³

Второй раз такая коалиция князей стояла у Канева в ожидании «Гречник и Залозник» в 1170 г. Это вполне понятно, — половцы стали «пакостити Гречнику нашему и Залознику». Приходилось выходить им «противу», навстречу, оборонять купеческие караваны.

Конечно, обстановка в степях отнюдь не была благоприятной для Руси, и, несомненно, прав был Мстислав Изяславич, когда говорил князьям: «братье! пожалуйте о Руской земли и своей отчине и дедине... уже у нас и Гречьский путь изь отимают, и Соляный, и Залозный...».⁴ Но все это были пре-

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 368, 369.

² Там же, стр. 360.

³ Там же, стр. 361.

⁴ Там же, стр. 368.

пятствия, помехи, вынуждавшие принимать чрезвычайные меры, вроде совместных походов князей навстречу «гречникам», и не больше. Торг по Днепру и по морю, а следовательно, и плавания «гречников» из Руси в Царьград не прекращались, хотя и были затруднены по сравнению с тем временем, когда у порогов поджидали русские лодьи относительно слабые и малочисленные отряды печенегов.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что летопись не сохранила нам ярких и красочных описаний походов русских воинов на Царьград, как это имело место в X—XI вв. Молчат о налетах страшных «рог» на столицу империи источники «ромеев». Все это понятно. Прекратились завоевательные походы последних времен «славного варварства», оставившие столь яркий след в русских и византийских источниках.

Развитие феодальных отношений на самой Руси изменило характер русских войн и походов, характер связей с Византией.

Кончился завоевательный период в истории древней Руси. Начинаясь новый ее этап, характеризуемый упорным стремлением к укреплению государственности на самой Руси и развитием феодализма. Князья перестают «искать» и «воевать» «чужюю землю», а принимаются за освоение своей земли и эксплуатацию ее населения. «Строй земной» и «устав земной», а не рати, все более и более приковывают к себе внимание русских князей. Изменяются формы общественной жизни и быта. Варварская Русь перерастала в Русь феодальную, Русь XI в. «Воя» Руси все более и более заслоняла фигура дружинника, княжеского «мужа». Зарождались и быстро развивались новые формы идеологии, свойственные раннему феодальному обществу.

Русь переставала быть варварской державой; она становилась феодальным государством. Эпоха «военной демократии» с ее бесконечными походами и войнами, нападениями и набегами, отходила в прошлое. И боевой клич «воя» — дружинника все чаще и чаще покрывался выкриками княжеского тиуна и данщика, наблюдающих за тем, как трудится на княжеской ниве, на дворе, по «ловищам» и «перевесищам» многочисленная челядь, и собирающих дань с сельского «людья» Русской земли.

Таким образом, изменение в характере русского мореходства на Черном море в XI—XII вв. и позднее, до самого Батыева нашествия, в самом характере связей с Византией, осуществляемых по морю, обусловлено причинами не внешнего порядка, — с ними Русь хоть с трудом, но справлялась, а внутренним общественным развитием самой Руси, развитием и укреплением феодальных отношений.

Не случайно последний поход русских на Константинополь падает на время княжения Ярослава Мудрого и примерно совпадает с периодом интенсивного развития феодальных отношений, нашедших яркое отражение в современной рассматриваемым событиям «Правде Ярославичей».

Изменения в социальном строе и в политической жизни Руси не могли не сказаться на характере ее войн и, в частности, на существовании морских походов.

От торговли и войн, войн и торговли к регулярным дипломатическим и торговым связям, не осложняемым военными столкновениями — таков путь развития связей Руси с Византией, являющих собой этап в истории русского мореходства.

И не половцам было положить конец плаванию морских по Черному морю. Силой, способной отбросить Русь от Черного и Азовского морей на целые века, оказалось лишь страшное Батыево нашествие.

В данной главе я и попытаюсь собрать и проанализировать материал, относящийся к русскому мореходству на Черном, Азовском, Каспийском, Балтийском и Белом морях в период феодальной раздробленности. Сделать это не так легко, так как в противоположность периоду блестящих войн и морских походов времен образования и расцвета Киевского государства, нашедших столь полное и яркое отражение в русских, византийских, восточных и западноевропейских письменных памятниках и в устном народном творчестве, период феодальной раздробленности не знает таких выдающихся событий, как походы на Константинополь, заканчивающиеся договорами русских с греками. Все как-то проще, обыденнее, нет запоминающихся событий и имен, так как нет грандиозных походов, да и князь отстранился от непосредственной торговли с Царьградом товарами, добытыми в результате полюдья, дани и военной добычи, а эти-то события и эти люди княжеской крови только и интересуют летописцев. Поэтому летописец лишь попутно говорит о «гречниках», о «Греческом пути» — наследниках и преемниках «слов и гостей» времен Олега и Игоря, великого водного пути «из варяг в греки», и то тогда, когда «пакости» половцев вынуждают князей, биографии и дела которых интересуют его больше всего, взяться за оружие и идти навстречу купцам куда-либо в Канев, наподобие того, как ходил «к порогам» в ожидании невесты, готовый «боронить» ее от печенегов, Владимир Святославич.

Молчат о поездках «рос»-ов в Константинополь и византийские источники, предоставляя и византиноведом и русским историкам самим догадываться, откуда берутся на Русь греческие изделия и товары, мастера и монахи, как попадают в столицу «ромеев» меха и мед, воск и челядь, а с ними вместе

отважные и сильные воины русские, чье искусство и храбрость так высоко ценились в империи.

Но и то немногое, что сообщают русские и зарубежные источники, все же проливает свет на этот темный период истории мореходства в древней Руси.

Мы уже видели, что сношения с Византией и плавание по Черному морю не прекращались в XII в. и осуществлялись все по тому же древнему великому водному пути «из варяг в греки», который теперь носил только иное название — пути «Греческого».

Не забыт был и другой путь по Днепру и Черному морю — в Корсунь и далекую Тмутаракань, путь, шедший вдоль берегов Крыма.

Этим путем, быть может, пришел в свое время (1024 г.) со своей дружиной из Тмутаракани в Киев Мстислав. За такой путь тмутараканского князя говорит то обстоятельство, что он вначале «приде... Киеву» и только тогда, когда «не приняша его Кыяне», «он... шед седе на столе Чернигове».¹

Конечно, можно было и идя степью прийти сперва в Киев, а потом в Чернигов, но, плывя морем и Днепром, уж наверняка вначале попадали в Киев, а затем уже, по Десне, в Чернигов. Выдвигая такое предположение, я исхожу еще и из других материалов и аналогий, утверждающих именно такой путь сношений Тмутаракани с Киевом и обратно, о которых речь будет дальше.

Наличие среди дружинников Мстислава хазар и касогов, жителей степей и предгорий, еще совсем не обязательно указывает на степные дороги, приведшие Мстислава в Киев, а затем и в Чернигов. Ведь в походе русских в 943 г. на Бердаа в Закавказье, как мы уже указывали ранее, участвовали аланы и лезги не в меньшей, а в большей степени, чем хазары и касоги, связанные со степью и, особенно, с горами.

В 1059 г. (по А. А. Шахматову) прибыл на «остров Тмутараканий» инок Печерского монастыря Никон и на «месте чистом», близ самого «града» построил церковь богородицы и основал монастырь.²

Путь свой Никон проделал по морю, плывя вдоль берегов Крыма. Это подтверждается тем, что когда в Тмутаракани умер Ростислав, «князю острова того», «люди» Тмутараканские упростили Никона поехать к Святославу. Никон отпра-

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 143, 144.

² Патерик Киевского Печерского монастыря, 1911, стр. 26.—А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 435.—М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 175.

вился к Святославу в Чернигов. По пути он имел свидание с Феодосием в Печерском монастыре в Киеве.¹ Все это говорит о том, что Никон отправился из Тмутаракани морем, плыл вдоль берегов Крыма, мимо Корсуня, где незадолго до этого был убит корсунянами греческий котопан, отравивший тмутараканского князя Ростислава, поднимался вверх по течению Днепра до Киева.

И в третий раз, вместе с Глебом Никон плывет в Тмутаракань. Не случайно Глеб интересовался морем, и «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил м[оре] по леду от Тмутараканя до Кърчева 10 000 и 400 саже[н]», как гласит надпись на знаменитом Тмутараканском камне.

Путь с Днепра морем в Тмутаракань был путем довольно оживленным. Не случайно в Крыму русские купцы живут в XIII в., не случайно в XI в., как некогда во времена Владимира Святославича, в Корсуне немало сторонников Руси, а может быть, и просто русских людей, отомстивших котопану за отравление тмутараканского князя. Не был ли стоянкой русских купцов-мореходов, «крайним южным форпостом древней Руси» Коктебель, где в 1931 г. Барсамов обнаружил славянскую керамику, клейма на кирпичах, совпадающие со смоленскими, фундамент церкви, имеющий аналогии во Пскове?²

Как бы отмечая собой морской путь из Киева в Тмутаракань, тянутся вдоль него находки вислых свинцовых печатей с надписью «от Ратибора» (трехстрочная надпись: «от/рати/боро»), который был одно время посадником в Тмутаракани. Одна такая печать Ратибора найдена в Киеве, одна в Севастополе, одна под Керчью и две на Тамани.³

Известны находки на Тамани камня-балласта той породы, которая встречается только под Киевом. Связь Тмутаракани с Киевом по морю не прекращалась в течение всего XI, а быть может, и XII вв.

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря, 1911, стр. 156.

² А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 188. — Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929—1931. Феодосия, 1932. — И. И. Ляпушкин высказался отрицательно по вопросу о русском культурном элементе в Коктебеле. См. ст. Славяно-русские поселения IX—XII ст. по Дону и Тамани. Материалы и исследования по археологии СССР, 1941, т. VI, стр. 226—230. Ему возражал А. П. Смирнов, Древнеславянские памятники нижнего и среднего Поволжья. «Советская этнография», № 2, 1948.

³ Люценко. О древней вислой свинцовой печати с надписью «От Ратибора», найденной в 1872 г. около г. Еникале, что в Керченском градоначальстве. Труды III археологического съезда, т. II; Е го же. Заметка из Керчи, Древности, Труды Московского Археологического общества, т. III, вып. II. — Н. И. Репников. О древностях Тмутаракани. Труды секции археологии РАНИОН, 1928, т. IV. — И. И. Толстой. Древнейшие монеты великого княжества Киевского; Е го же. Русские древности, вып. IV, стр. 72.

Тмутаракань-Матарха играла очень большую роль в торговле в течение всего XII в.

Арабский географ Идриси (Эдризид) около 1154 г. писал: «Матарха — весьма древний город, а имя его основателя неизвестно. Матарха окружена возделанными полями и виноградниками, цари ее весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны соседним народам. Город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев».¹

Матарха упоминается в договоре императора Мануила с генуэзцами в 1169 г., как самостоятельный город. Где-то недалеко от нее (по Идриси в 20 или 27 милях) лежит Russia (Идриси) или Ρωσσια (Мануил), — тоже прибрежный город-порт. Мы не можем с уверенностью сказать, какой город Идриси называл «русским», но полагаю, что достаточно убедительны доводы Ф. Бруна и Ю. Кулаковского, считавших «Russia» — «Ρωσσια» вторым названием Керчи. Ф. Брун аргументировал это свое утверждение тем, что от Матархи-Тмутаракани до Керчи примерно 20 с лишним миль, что как раз соответствует указанию Идриси.

«Устьем русской реки», у которого стоял этот город, он считает Керченский пролив. Ю. Кулаковский обратил внимание на наименование на известной печати Феофании Музалон, жены Олега Святославича, «архонтессой Руси». В состав Тмутараканского княжества Олега входили и Тмутаракань и Керчь, обладание которой, носившей второе название — «Ρωσσια», и дало повод Феофании Музалон считать себя «архонтессой Руси».²

Не были забыты и берега Азовского моря, древнее Лукоморье. «Русские села» встретились на пути Вильгельма де Рубрука на Дону, старинные генуэзские карты помещают русские порты у Калмиуса.

Все это говорит за то, что русские продолжали плавать по Азовскому и Черному морям, направляясь в Царьград и Корсунь, в Тмутаракань и Керчь. Недаром в самом начале XII в. Даниил, «Русьския земли игумен», побывал и в Иерусалиме, и на острове Родосе, где незадолго до него жил «Олег (Святославич. — В. М.) князь русский 2 лета и 2 зиме».³

¹ А. Я. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. Труды Казанского археологического съезда, Казань, 1884—91, т. II, стр. 244.

² Ф. Брун. Черноморье. 1879, т. I, стр. 121, 122, т. II, стр. 305. — Ю. Кулаковский. К истории Боспора (Керчи) в XI—XII вв., Киевская старина, 1899, т. 67, стр. 132, 133.

³ Житие и хождение Даниила, Русьския земли Игумена. «Православный Палестинский сборник», 3 и 9-й вып., 1885, стр. 8, 9.

Понадобилось Батыево нашествие для того, чтобы надолго разорвать эти связи и отрезать Русь от Черноморья.

Если еще во второй половине XI и в XII в. была очень активной деятельность русских в северо-восточной части Причерноморья и русские князья не могли примириться с тем, что и Посулье и Поморье стали «землей незнаемой», и воины Игоря Святославича Новгород-Северского шли далеко в глубь половецких степей, до роковой Каяалы, для того чтобы «поискать града Тмутараканя» и «испити шеломом Дону», то и на другом берегу, в северо-западной части Причерноморья, воды Дуная и Черного моря бороздили русские лоды.

В XI—XIII вв. и даже позднее в Придунайской области Черноморья сохраняется русское население, в значительной своей части потомки уличей и тиверцев, остатки древних антов.

В 1043 г. Владимир Ярославич с Вышатою беспрепятственно доходят до Дуная, проходя, очевидно, по русским землям.¹ По свидетельству Константина Багрянородного, Дичин был стоянкой русских купцов, направлявшихся в Византию.² Анна Комнен сообщает о самостоятельных князьях, правивших на нижнем Дунае. В их числе она называет некоего Всеслава, правившего в Вичине. Здесь недавно поселилось пришедшее из-за Дуная земледельческое «скифское племя», князем которого и был Всеслав. Есть все основания согласиться с Васильевским и Кулаковским, по мнению которых это «скифское племя» было русским, таким же, как и население, принявшее переселенцев-русских.³ Надо полагать, что и сам Всеслав был русским.

Мы не будем заниматься русскими на Дунае, так как это не входит сейчас в нашу задачу, да и сделано было нами в свое время.⁴ Нас интересует лишь та часть этой проблемы, которая связана с мореходством.

Еще в начале XII в. на Дунае действуют русские. В 1116 г. Мономах посылает на Дунай Ивана Войтишича, который сажает в Подунайских городах княжеских посадников. Для этого Мономаху не пришлось прибегать к военным действиям. Русские сидели тогда к востоку от Дристры. Это видно из того, что в 1116 г. Вячеслав и Фома Ратиборович не смогли

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 250.

² Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 91, стр. 10.

³ Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриарха. «Византийский временник», 1897, т. IV, вып. 3—4, стр. 322. — В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. ЖМНП, 1872, XII, стр. 305.

⁴ В. В. Мавродин. Русские на Дунае. Ученые записки ЛГУ, серия гуманитарных наук, № 87, 1943.

назначить посадника в Дристру, так как это был византийский город.¹ Во второй половине XII в. русские княжества все еще удерживаются на Дунае. В 1162 г. Византия дает Васильку и Мстиславу Юревичам четыре города и волость на Дунае.² В XII в. вся Подолия, Галиция, Буковина, Молдавия, Бессарабия входят в состав Галицкого княжества, древней Червоной Руси. Галицкий Ярослав Осмомысл в представлении автора «Слова о полку Игореве» «затворил ворота Дуная», один «рядит до самого Дуная». Здесь, на берегах Дуная, поют русские девицы и «льются голоса их через море до Киева». Здесь, на Дунае, в «городах Подунайских», разворачивается бурная деятельность Ивана Ростиславича Берладника. Тут лежат города Берладь (совр. Бирлат), Малый Галич (Галац) и Текучий, упоминаемые в знаменитой грамоте Ивана Берладника.³

Наличие не отдельных русских жителей, а целых русских поселений и городов по Днестру и Дунаю подтверждается еще и другими данными.

В Воскресенской летописи мы находим список русских городов по Днестру и Дунаю.

«А от имена градом всем русским дальним и ближним. На Дунае Видицов, о седми стен каменных, Мдин, об ону страну Дуная Трьнов, ту лежит святая Пятница, а по Дунаю Дрествин, Дичин, Килиа, на устье Дуная Новое село, Аколятра, на море Карна, Каварна. А на сей стране Дуная: на усть Днестра над морем Белгород, Черн, Аский Торг, на Пруте реце Романов Торг, на Молдаве Немечь, в горах Корочюнов Камень, Сочава, Серет, Баня, Нечюн, Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотен».⁴

Несомненно во времена составления списка некоторые упомянутые в нем города уже не были русскими и попали в список только потому, что некогда, чуть ли не во времена Святослава Игоревича, они были подчинены русскому князю. Но сведения Воскресенской летописи о русских городах по Дунаю в известной части подтверждаются греческим источником. В собрании документов, изданных Миклошичем и Миллером («Acta Patriar. Constant.»), есть список (№ 52) городов по Дунаю, не принадлежащих болгарам, но и не византийских. Документ датируется началом XIV в. Среди этих неболгар-

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 204.

² Там же, стр. 357.

³ Н. П. Дашкевич. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. Сб. статей, посвященных Владимирскому-Буданову, Киев, 1904. — В. В. Мавродин. О народных движениях в Галицко-Волинском княжестве в XII—XIII вв. Ученые записки ЛГУ, т. XLVIII, вып. 5.

⁴ ПРСА, т. VII, стр. 240.

ских городов Дуная значатся: Карна, Каварна, Килия, Аколтра и Дрествин.¹

Пять неболгарских городов в русском и греческом источниках совпадают, и это дает возможность утверждать, что еще в начале XIV в. они были действительно русскими.

Среди упоминаемых в Воскресенской летописи городов немало приморских: Дичин, Килия, Карна, Каварна, Белгород и др. Города эти торговые, многолюдные и бойкие. Русские письма сохраняют здесь памятники даже XV—XVI вв., о русских говорят папские инструкции XVI в. По-старому генуэзские карты именуют Черное море «Русским морем». Торги и плавание русских по Черному морю не прекращались здесь вплоть до полной ассимиляции русских (XVII в.).²

В XI—XII вв. русское население нижнего Дуная было еще многочисленным и связанным с остальной Русью и — прежде всего — Галицкой, хотя связи эти не были прочными. Дашкевич предполагает, что низовья Дуная и Днестра носили название «Берладь», а следовательно, их русское население называлось берладниками. Сам же город Берладь был лишь главным центром берладской земли. «Идти в Берладь» на языке летописца древней Руси означало примерно то же, что на языке позднейшего казачества означало идти на Дон или в Сечь.

Ипатьевская летопись в своем тексте сохранила ряд выражений современников, свидетельствующих о том, чем была в представлении людей XII в. далекая Берладь, Подунавье. В 1194 г. «сдумаша лепший мужи в Черных клобуках» и явились к Ростиславу Рюриковичу с жалобой на постоянные нападения половцев. Черные клобуки говорили князю, что он не обращает на них внимания, пренебрежительно относится к их интересам, забыл о них. «А не ведаем Подунайци ли есм, что ли», укоряли они князя.³

Очевидно, в те времена считалось совершенно естественным и понятным не заботиться о «подунайцах», так как этот край жил какой-то своей, особой, независимой жизнью, и обычная княжеская власть в определенных государственных формах ему была неведома. Следовательно, и князья не интересовались Подунавьем, да и, попросту говоря, не могли наложить на воинственных и вольнолюбивых берладников — «подунайцев» свою тяжкую длань.

¹ Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата. «Византийский временник», 1897, т. IV, вып. 3—4, стр. 335.

² В. В. Мавродин. Русские на Дунае. Ученые записки ЛГУ, серия гуманитарных наук, № 87, 1943, стр. 12.

³ Летопись по Ипатьевскому списку, 1871, стр. 451.

И объяснялось это не столько отдаленностью Подунавья (Белоозеро было еще дальше от Киева), сколько характером подунайской вольницы, которая могла приглашать князей, но терпеть власть князей не была намерена.

Земли «Подунайцев», загадочная Берладь входили в состав Руси, но примерно так же, как входили в состав Московского государства Тихий Дон или в состав Речи Посполитой Запорожская Сечь. Конечно, их отдалают века, они не идентичны, но черты сходства, несомненно, бросаются в глаза.

В 1174 г. Андрей Боголюбский советует Святославу Всеволодовичу сказать Рюрику Ростиславичу: «пойди в Смоленск к брату во свою отчину; а Давыдови рци: а ты пойдн в Берладь, а в Руськой земли не велю ти быти».¹

Из контекста видно, что Берладь не была Русью, «Руськой землей»; и предложить отправиться в Берладь означало примерно то же самое, что для новгородца времен ушкуйников отправиться в далекую Югру, для московского боярина очутиться в Пустозерске, для Дмитра Вишневецкого оказаться за порогами Днестра, в Сечи, т. е. означало предложение идти на все четыре стороны искать счастья по свету.

«Берладь» в представлении Андрея Боголюбского и его современников, князей и летописцев, — земля далекая, на которую не распространяется ни княжеская власть, ни созданные ею на Руси политические порядки.

Такова была Берладь, таковы были «подунайцы», берладники. Берладники представляли собой смешанное по этническому своему составу, но в основе своей русское, население, занимавшееся в низовьях Дуная и Днестра земледелием, охотой, рыбной ловлей, промыслами, часто выходившее на своих челнах для торговли и набегов в море. Здесь ловили рыбу «рыболовы галичские» и жили «галичские выгонцы». Берладники были хозяевами «Подунайских городов», весьма слабо ощущавшими власть галицкого князя. Полуоседлые земледельцы и промысловики, постоянно готовые к нападению и отпору врага — половцев, болгар, волохов и византийцев — и поэтому опытные воины, берладники были своеобразной «вольницей», населявшей и охранявшей юго-западные окраины Червоной Руси. Во время восстания Ивана Ростиславича Берладника к шеститысячному отряду берладников присоединяются горожане Кучелмина и смерды Ушицы, что подчеркивает близость берладников к народным массам Галицкой земли.

Для нас представляют огромный интерес плавання берладников по Черному морю. У впадения Днестра в Черное море лежал город Олешье (Алешки, ныне Цюрупинск). Это был

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 389, 390.

русский порт, предназначенный для торговли, в частности, для торгова с Царьградом, последний пункт на пути купцов — «гречников», начало или, если угодно, конец Греческого пути, место, где издавна обитали русские рыбаки.

Здесь, «во Олешья», в 1084 г. князь Давид «зая грекы... и зая в них все именье», в 1153 г. сюда, «до Олешья», доходил с берендеями «притиву мачесе» Мстислав Изяславич, как некогда «к порогам» ходил «противу» Анны Владимир Свято-славич.

В 1164 г. из Олешья приехал ездивший «к цареви» Гюрята Семкович. Лодьи из Олешья, везшие рыбу и вино, дали возможность Даниилу в 1213 г. прибыть на Днестр.¹

Олешье, как важный торговый пункт, было хорошо известно и за пределами Руси. Знали его в Царьграде, где жили греческие купцы, ездившие в Олешье, как это было, напр. в 1084 г.; знали его и в генуэзских колониях и в самой Генуе. На некоторых итальянских картах XIV в. Днепр носит название «реки Олешья» (Ellexe, l'ellexe, Elese, Jlicis).² Все это говорит о значении Олешья в торговых связях Руси, о его роли в русском мореходстве на Черноморье в XI—XII вв. Где-то здесь же, на нижнем течении Днепра, лежал упоминаемый Идриси город Molsa.

Здесь-то, в Дунайских гирлах и Днепроовских плавнях, от Берлади до Олешья, по Черноморскому побережью развертывается эпопея морских походов «подунайцев».

В 1159 г. Иван Ростиславич Берладник «ста в городах Подунайских и изби две кубаре (корабли, от греческого *κορυβαριο*. — В. М.) и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовом Галичьским».³

Речь идет о кораблях галицких купцов, подвергшихся нападению со стороны его воинов-половцев и берладской вольницы. Пред нами два типа судов — лодьи галицких рыбаков, которым Иван Ростиславич «творил пакости», и корабли (кубары) галицких купцов, которые он захватывает вместе с товарами. Для того, чтобы брать кубары и «пакостить» рыболовам, надо было самим действовать на судах. И берладники, действительно, были искусными мореходами.

В скором времени подунайская вольница стала еще более активной на море.

В восстании 1159, восстании горожан, смердов и берладников, связанном с именем и деятельностью Ивана Ростиславича Берладника, шеститысячный отряд берладников составлял вместе с половцами основную военную силу Берладника. Повидимому,

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 144, 320, 357, 491.

² М. С. Грушевский. Исторія України-Руси. 1905, т. II, стр. 517.

³ Летопись по Ипатскому списку, 1878, стр. 341.

во время этого восстания «вольница» берладников на своих лодях выходит в море и захватывает Олешье. Лишь в 1160 г. берладники были изгнаны из Олешья, и то только после того, как против них был брошен спустившийся в «насадах» вниз по течению Днепра вплоть до Олешья многочисленный отряд киевских воевод Юрия Нестеровича и Якуна.

Юрий (Гюрги) Нестерович и Якун разбили берладников, преследовали их по морю до Дичина (Дциня), где «избиша е и полон взяша». ¹ Этот налет берладников на Олешье очень напоминает черноморские походы казаков.

Путь по рекам Подунавья в Черное море, а оттуда на Днепр не был забыт и позднее, в XIII в. И на сцену выступает все та же подунайская вольница, «подунайцы», галицкие «выгонцы».

В 1223 г., когда княжеские рати двигались на юго-восток, к роковой Калке навстречу Джэбе и Субэде, «выгонцы Галичкыя» спустились по Дунаю или Днестру, вышли в море, морем дошли до Днепра и поднялись по Днепру вплоть до порогов, где соединились с шедшими сухопутьем княжескими дружинами. Здесь, «у реки Хорътице на броду у протолчи», стала рать «выгонцев Галичкыих».

Сила эта была немалая — галицкие «выгонцы» подошли к Хортице на тысяче лодий. Во главе «выгонцев» стояли Юрий Домамирич и Держикрай Володиславич. Появление рати «галицких выгонцев» было неожиданностью для князей. Следовательно, это была вольница, рать «подунайцев», по своей инициативе двинувшаяся навстречу княжеским дружинам земли Русской для боя с татарами. Не были воеводами галицкого князя Юрий Домамирич и Держикрай Володиславич. Может быть, они сами были «выгонцами», а может быть и боярами, изгнанными из Галицкой земли Мстиславом Удалым и Даниилом Романовичем во время феодальных войн князей с боярами, войн, которыми так богата история Червоной Руси, и поэтому выступавшими под названием «выгонцев», — трудно сказать. Весьма возможно, что Юрий Домамирич и Держикрай Володиславич, как и некогда Иван Ростиславич, выступивший во главе движения берладников и вошедший в историю с прозвищем Берладник, лишь возглавили поход «подунайцев». Однако несомненно — они не были княжескими воеводами. Галицкие «выгонцы», повидимому, первыми столкнулись с татарами, «въидоша в море» с Подунавья и Приднестровья (в летописи ошибочно, «придоша по Днепру» вместо «Днестру»), и, подымаясь вверх по течению Днепра у порогов, галицкие «выгонцы» шли и правым и левым берегом Днепра. Их видели татары. Многочисленные русские лоды, повидимому, заинтересовали и встревожили татар. До сих

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 341, 346.

пор они видели лишь пешее и конное воинство, сражавшееся на суше. «Лодей тысяща» были для них неожиданностью. Вот почему к «протолчи» (отсюда начали «проталкиваться»), где на мелководье сосредоточился русский флот, они выслали разведку («пришли сунь видеть олядий Руских»).

Для Даниила Романовича и других русских князей это были «невиданная рати». Князья спорили о боевых качествах татар. Кто говорил, что татары — опытные стрелки из лука (это действительно так и было), другие же утверждали, что они — плохие воины, «пуще и Половецъ». Но галицкие «выгонцы» уже имели столкновение с татарами. Где оно произошло, каковы были последствия его для обеих сторон — неизвестно, но слова Юрия Домамирича, утверждавшего, что татары «ратницы суть и добрая вои», были, несомненно, обусловлены тем, что ему уже пришлось иметь дело с воинами Джэбе и Субэде.¹

Судя по количеству лодий (1000), в походе участвовало не менее 35—40 тыс. человек, а это свидетельствует о многочисленности русских «подунайцев», для которых не была безразличной участь земли Русской. Для нас также чрезвычайно важным является то обстоятельство, что свой грандиозный поход галицкие «выгонцы» предприняли морем, а это говорит о том, что, во-первых, морской путь Дунай — Днепр не только не был забыт в XIII в., но попрежнему был оживленной артерией, и, во-вторых, что «подунайцы» предпочитали лодью коню, т. е. о их мореходных традициях.

Не был забыт на Руси и торговый путь через Черное море. Правда, в начале XIII в. морская торговля и, прежде всего, хлебом, из Руси через Крым в Малую Азию оказалась в руках турок-сельджуков, но ненадолго. Ибн-ал-Асир под 1205 г. повествует, что при Хосрове-шахе «прекратилась... дорога из стран Рима, Руси и кипчаков, как сухопутная, так и морская».²

Затем торговля возобновилась и шла уже через Синоп, находившийся с 1214 г. в руках турок-сельджуков.³ Нашествие Джэбе и Субэде снова прервало торговлю русских по Черному морю. И на этот раз надолго.

По свидетельству Ибн-ал-Асира, после битвы на Калке в 1223 г. «собрались многие из знатнейших купцов и богачей русских, унося с собой то, что у них было ценного, и двинулись

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 496. — Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. «Исторические записки», т. 12, 1941, стр. 244—245. — В. Т. Пашуто. Киевская летопись 1238 г. «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 281—282 и др.

² В. Тизенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I, стр. 28.

³ А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазиатских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. «Византийский вестник», т. XXV, 1927, стр. 66.

в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские». ¹

Правда, и после битвы на Калке, и даже после Батыева нашествия, разорения Руси и установления татарского ига русские продолжали обитать в Крыму, о чем свидетельствует Ибн-Абд-аз-Захыр и Вильгельм де-Рубрук, а «цареградские» купцы со своими товарами проходили даже по разоренному и опустошенному Посемью, где стояли слободы Ахмата, ² но это были уже только последние остатки былых связей Руси с северным и южным берегами Черного моря.

Татарская кочевая стихия отрезала Русь от Черного моря, и потребовалось много времени и сил для того, чтобы Россия вырвала из рук «кочующих и разбойничающих татар» устья Дона, Днепра, Буга и Керченский пролив ³ и распространила на эти земли свое «цивилизующее начало». ⁴

Около 1175 г. русские на 72 судах совершают поход по Каспийскому морю, нападают на Ширван и вторгаются во владения Ширван-шаха Ахситана. Русские на короткое время занимают Шемаху, а затем удаляются из Ширвана. ⁵

Кем был предпринят этот поход — неизвестно, может быть, следует согласиться с А. Куником, который в своих примечаниях к сочинению Б. Дорна полагает, что поход на Ширван совершили бродники, русская вольница степной, юго-восточной и юго-западной окраины Руси или, вернее, русская вольница земель, прилегающих к Руси с юго-востока и юго-запада. ⁶

Интересно отметить тот факт, что мореходные традиции на юге Руси, вплоть до того времени, когда Русь погрязла в «кровавом болоте монгольского рабства» (К. Маркс), дольше всего держались у русской вольницы — берладников, галицких «выгонцев» и им подобных. Последними морскими походами (я не считаю плавания русских купцов по Черному и Каспийскому морям) перед тем, как татары надолго отрезали Русь «от устьев ее рек и морских побережий» (К. Маркс), были походы именно русской вольницы.

Возобновилось же русское мореходство (опять-таки, если не считать отдельные поездки вроде плаваний за море гостей — сурожан, путешествия Афанасия Никитина, митрополита Пимена

¹ В. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 27.

² Там же, стр. 63. — А. И. Малеин. Вильгельм де-Рубрук «Путешествие в восточные страны», 1911, стр. 67, 68, 83. — ПСРЛ, т. X, Никоновская летопись, стр. 162—165.

³ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century, 1899, гл. VI, стр. 87.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 1932, стр. 53.

⁵ Б. Дорн, ук. соч., стр. 20, 388—390, 529, 530. — Е. Аренс, ук. соч., «Морской сборник», № 1, 1919, стр. 34.

⁶ Б. Дорн, ук. соч., стр. 390.

и т. п.) на Черном, Азовском и Каспийском морях лишь со времен казацких походов, походов запорожских, донских, волжских, яицких и прочих казаков в XVI и, особенно, в XVII в., т. е. все той же русской (в широком смысле этого слова) вольницы.

А это говорит о народности морского искусства у русских, о народных корнях русского мореходства. Не случайно, говоря о стремлении Петра к завоеванию выходов к морю и превращению России в морскую державу, К. Маркс указывал, что оно целиком соответствует «природным способностям и стремлениям великой русской расы».¹

К этой характеристике К. Маркса вряд ли можно что-либо добавить.

На этом мы заканчиваем за исчерпанием материала рассмотрение русского мореходства на Черном, Азовском и Каспийском морях в период феодальной раздробленности до татарского нашествия и обращаемся к русскому мореходству той же поры на севере и северо-западе.

Здесь, на севере и северо-западе Руси, начинателем и хранителем мореходных традиций являлся Господин Великий Новгород. С незапамятных времен Новгород был «окном в Европу» для русских земель. В IX в. новгородские «люди» положили начало северной части великого водного пути «из варяг в греки» и в том же IX в. прошли его полностью, соединив Ладогу с Киевом и устьем Днепра. Новгородские мореходы связали Балтийское море, «море Варяжское», «Бахр-эль-Варанг» мусульманских писателей с Черным морем, «Русским морем» арабских, персидских и итальянских источников. По северным речным дорогам удалые новгородские молодцы пробирались до «Дышючего моря», «Студеного моря», как называли тогда Ледовитый океан.

Северная Двина привела их в Европейскую часть Ледовитого океана, а текущая далеко за Камнем (Уралом) Обь вывела в Азиатскую его часть. Новгородские ушкуйники были предтечами мужественных мореходов Севера, русских поморов XV—XVII вв., смело бороздивших на своих судах воды неприветливых Белого и Баренцова морей, плававших на Колгуев и Новую Землю, Терский берег и Печенгу, Грумант (Шпицберген) и за Норд-кап, к берегам Финмаркена, за Варангер-Фиорд, тех славных и храбрых русских мореходов, которые показывали путь и помогали Ченслеру и Баренцу.

Новгородские мореходы то с товаром как купцы, то с мечом как воины плавали в Линданиссе в Чудской земле и в Сигтуну, в Або и Висби, в Данию и Любек.

¹ К. Маркс, ук. соч., гл. VI, стр. 87.

Расцвет морского искусства Новгорода был вызван не только перенесением центра тяжести русского мореходства с южных морей на северные, что было обусловлено отрывом Руси от них во времена татарского ига, но также и тем, что Новгород избежал участи многих русских городов и земель востока и юга. Татары до Новгорода не дошли и не разорили его, удовлетвовавшись по необходимости тем, что «взяли число» и стали собирать дань. Поэтому Новгород имел возможность попрежнему развивать свою торговлю.

Но нас в данном случае интересует не этот период в истории мореходства Господина Великого Новгорода, последовавший за Батыевым нашествием, который представляет, конечно, большой интерес, но должен быть предметом особого исследования, а период, предшествовавший установлению на Руси татарского ига.

К этому вопросу мы и перейдем.

Середина XII в. характеризуется быстрым развитием торговли на Балтике. Это было то время, когда Новгород завязывает быстро растущие торговые сношения с Любеком, в Новгороде возник двор немецких купцов и между новгородским и немецким купечеством установились определенные формы торговых сношений. Вторая половина XII в. была периодом развития и расцвета торговли Новгорода с Готландом, куда заходили все корабли, шедшие из Новгорода и восточно-балтийских гаваней на запад. Возрастали торговые связи Новгорода и со шведской столицей Сигтуной.

В отличие от XIII и XIV вв., когда новгородцы совершали почти все свои торговые сделки с заморскими купцами на месте, в Новгороде, и сама торговля по морю совершалась на иноземных судах, в XII в. новгородцы широко участвовали в заморской торговле, а корабли их встречались повсюду на морских путях Балтики так же часто, как и готландские, шведские, немецкие.

Как это мы увидим далее, новгородские летописи сохранили нам упоминание о пребывании новгородцев в Дании (1130 и 1134 гг.) и на острове Готланде (1130, 1188 гг.). О тесных связях и регулярных сообщениях Новгорода с Готландом и Сигтуной говорит наличие в них русского населения. В главном городе Готланде Висби стояла русская церковь (по некоторым данным — святого Николая, «покровителя всех плавающих и путешествующих»).

В городе Гарда на Готланде на стенах церкви обнаружена фресковая живопись, выполненная русскими мастерами, что свидетельствует о наличии здесь русской церкви и, следовательно, русской колонии. Каменная русская церковь святого Николая и русская колония были и в Сигтуне.

Обилие в Сигтуне находок славянской керамики с волнисто-линейным орнаментом, которую несомненно привозили русские не для торговли, а для пользования, говорит о многочисленности русского населения в шведской столице. Русские постоянно жили в Линданиссе, т. е. Колывани, древнем чудском (эстонском) городе на месте современного Таллина (Ревеля). Линданисса, повидимому, попала и в наш народный сказочный эпос под названием города Леденца. Еще в начале XIII в. в Ревеле был «русский конец» (Вендефер), а папская булла 1234 г. говорит о многочисленности русских в Ревеле.¹

Понадобились десятки, даже сотни лет активной враждебной деятельности немецкой Ганзы, датчан и шведов, а также ливонских рыцарей для того, чтобы вынудить новгородцев прекратить плаванья за море и ожидать «заморских гостей», сидя по своим торговым дворам на берегах Волхова. Но для того, чтобы вырвать Балтийское море у новгородцев, враги Руси потратили много сил, средств и времени. Ожесточенная борьба ганзейских купцов, датчан и шведов с новгородскими купцами за господство на Балтийском море была обусловлена тем страхом, который внушали им новгородские мореходы. Морская мощь Новгорода была столь велика, что Ганза и Готланд, Сигтуна и Або (не случайно носивший финское название Турку, происшедшее от занесенного сюда, в шхеры Западной Финляндии, русского слова «торг») опасались, что не они будут ездить в Новгород, пожиная плоды своих побед и держа в руках торговлю новгородцев с Западом, а сами купцы Господина Великого Новгорода на своих судах будут «жаловать» к ним «гостить», отбивая у них прибыли и прибирая к рукам мореходство и торговлю на Балтике. Победа далась «заморским купцам», «свеям», «доням» и «гътем» нелегко, и борьба растянулась больше, чем на столетие. До полной победы «свеев» и «немцев» новгородцы чувствовали себя на Балтике так же привольно, как ранее их южные сородичи на водах Черного моря.

В руках Новгорода был весь северный отрезок великого водного пути «из варяг в греки», шедший по рекам и озерам Русской земли, а также весь путь по «морю Варяжскому». Центральной и южной частью пути «из варяг в греки» мы занимались в предыдущей главе, а сейчас нам предстоит остановиться на северной его части.

Отчалив от новгородских пристаней, русские суда спускались вниз по течению Волхова. В 12—13 верстах от впадения

¹ Рядом указаний в области истории мореходства Новгорода в XII—XIII вв. я обязан И. П. Шаскольскому, которому и приношу свою благодарность. См. его статью «Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой». «Военно-исторический журнал», № 7, 1940 г.

Волхова в Ладожское озеро стояла Ладога (ныне Старая Ладога)—древнейший русский город на севере, важнейший пункт пути «из варяг в греки» и в давние времена центр политической жизни «Славии». Плыли бурным Ладожским озером (озером Нево) до истоков Невы, а затем, по Неве, выходили в Финский залив.

Далее путь русских кораблей лежал на остров Котлин, где была стоянка русских лоцманов и, очевидно, находилось какое-то поселение. От Котлина поворачивали на юг, шли на запад, держась берега «Чудской земли». В Линданиссе (Кольвани) останавливались и приготавливались к пути через море. Те, кто плыл к «гътему» или в Любек, продолжали идти вдоль берегов и, мимо острова Сарема, уходили на Готланд, в Висби, к очередной стоянке (если плыли в Любек) или конечной цели пути. Направлявшиеся в Швецию, в Сигтуну или в Данию из Кольвани круто поворачивали на север, к берегам Финляндии у Порккала-Удд. Держась вдоль берега, шли на запад, к Або, и, оставив севернее Аландские острова, добирались до Сигтуны. Если Сигтуна не была конечной целью плавания, и нужно было плыть к «доням», то, держась шведского берега, добирались и до Дании.¹

О том, как плавали новгородцы по этому пути, как торговали они по «морю Варяжскому», как воевали они с «ворогом» на море и за морем, мы и попытаемся рассказать, расположив известия в хронологическом порядке.

Первое известие о плавании новгородцев «за море» Новгородская летопись сохранила нам под 1130 г. «В се же лето, идущее из заморья с Готъ, потопи лодии 7; и сами истопша, и товар, а дружи вылезоша, нъ нази, а из Дони придоша сдорови».² Следовательно, в 1130 г. новгородцы побывали и на Готланде и в Дании, откуда явились «сдорови».

¹ *Scriptores rerum Danicarum*, 1783, т. V, стр. 623.

² Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 25. Новгородская I летопись (1841, стр. 6) дает такой текст, начиная от слов «а дружи вылезоша, нъ нази» — «а и въ доми придоша сдорови». Этот текст, несомненно, искажен. Летопись повествует о несчастии, которое претерпели новгородцы, возвращавшиеся «с Готъ». Семь лодий потонуло, погибли и люди и товар, а другие спаслись, но «нази», т. е. потеряв все, а дальше следует «а и в доми придоши сдорови». Получается бессмыслица. Не станет же летописец следить за их здоровьем во время пути от места высадки на берег после несчастия и до дома, констатируя, что путь этот они прошли без ущерба для здоровья! Другое дело текст Новгородской летописи по Синодальному Харатейному списку. Отмечая бедствия новгородцев, возвращавшихся «из заморья с Гот», она в то же самое время констатирует, что в отличие от купцов, посетивших Готланд, часть которых погибла, часть испытала бедствия, «из Дони придоша сдорови» («а из Дони придоша сдорови»). Все сообщение летописи приобретает иной характер и смысл и не оставляет места недоуменным вопросам. Светотипическое изда-

Дания была заинтересована в торговле с Новгородом, но отнюдь не хотела открывать новгородским «заморским» купцам, прибывающим на своих кораблях, свои гавани. Это было убыточно и опасно с точки зрения датчан, стремившихся обосноваться на Востоке, что вскоре они и сделали, захватив в начале XIII в. область Ревеля в земле эстов. Датчане опасались пускать в свои воды предприимчивых и искусных новгородских мореходов. Вот почему в 1134 г. «...рубоща Новгородъ за морем в Дони» и «новгородцев порубиша за морем в Дони».¹ В том же году в Дании, вероятнее всего, в Шлезвиге новгородские купцы подверглись аресту.²

Вторично новгородские купцы были арестованы в 1157 г. В этом году датский король Свен IV, взяв Шлезвиг, захватил много русских торговых судов и пленил русских купцов, товары которых немедленно роздал своим войнам.³

Полагаю, что не из одних столкновений такого рода состояли связи Новгорода с Данией. Обычный торг, деловые сношения, носившие нормальный характер, не находят отражения в летописи. Летописец фиксирует чрезвычайные события, выдающиеся явления, чем-то выделяющиеся, достойные быть зафиксированными. Обычные, ничем не примечательные, кончавшиеся благополучно плаванья к «гътем» на Готланд, в Висби или Гарда не привлекали внимания летописца. Указания на такого рода плаванья напрасно искать в летописи, но наличие русских дворов в Висби и Гарда, готского двора в Новгороде, русских церквей, договоров и т. п. говорит о регулярных и постоянных связях Новгорода с Готландом. Летописец записал, как «истопи» свои «лодии» новгородцы, «идущие из замория с Гот», ну а зачем было писать об обыденных, ничем не привлекающих внимания плаваньях на тот же Готланд, когда все в «доми придоша здорови»? То же самое следует сказать и о торговле с Данией и плаваньях новгородцев к «доням».

ние Новгородской летописи по Синодальному Харатейному списку (Синодальный список Новгородской первой летописи принадлежит к старшему изводу), предпринятое в 1875 г. под наблюдением П. И. Савваитова, конечно, не идет ни в какое сравнение с неудачным изданием Новгородской I летописи в 1841 г., где летопись опубликована с пропусками и неточно. — Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 440—444.

¹ Новгородская IV летопись, часть I, вып. 3, список Никольского, стр. 586.

² М. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879, стр. 77.

³ A. C. Lehberg. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands, 1816, стр. 268. — М. Бережков, ук. соч., стр. 77.

Только такая высокоразвитая торговля с Готландом и могла породить два русских поселка — колонии с церквями в городах Готланда; только ею можно объяснить наличие многочисленных русских купцов в Дании, в Шлезвиге.

Конечно, и «гъте» и «дони» делали все, от них зависящее, для того, чтобы заставить новгородцев отказаться от плаваний «за море» и ожидать «заморских» купцов у себя в Новгороде. Конечно, Швеция, Дания, Ганза и Ливонский орден соединенными усилиями добились своего, но не скоро и дорогой ценою. Именно к середине XII в. относится создание в Новгороде организации «купцов заморских», а это говорит за развитие заморской торговли. К этому же времени относится учреждение русских дворов «за морем» и иноземных в Новгороде.

Развитие заморской торговли и привело новгородцев в XII в. не только на Готланд, в Сигтуну и в Данию, но даже в Любек. Из жалованной грамоты императора Фридриха I городу Любеку мы узнаем, что среди купцов, приезжающих в Любек с востока, на первом месте стоят русские.

«Rutheni, Cothi, Normanni et ceterae gentes orientalis absque teloneo et absque hansa ad civitatem saepe dictam (Любек) veniant et libere recedant».¹

И тем не менее, несмотря на наличие нормальных взаимоотношений между Данией и Новгородом, Готландом и Новгородом, взаимоотношений, покоящихся на регулярных торговых связях, стремление изгнать новгородцев из Балтийского моря, вынудить их ограничиться лишь высылкой лоцманов на остров Котлин для помощи иноземным судам, стремление, подкрепленное силой оружия держав, превосходящих своим могуществом одинокий Новгород, было столь сильно, что плавание новгородцев, во всяком случае, в западные воды Балтийского моря прекращаются.

Уже во второй половине XII в. прекратились плаванья новгородцев в Данию. Вскоре произошло «размирье» и с Готландом. Как это мы увидим дальше, это «размирье» было обусловлено походом новгородцев и карел на Сигтуну в 1187 г., в результате чего шведская столица и крупнейшая гавань была взята и разорена до основания. Прошло всего-навсего несколько месяцев, и шведы отомстили за разгром своей столицы.

В 1188 г. «...рубоша Новгородьце Варязи, на Гътех Немьце, в Хоружьку и в Новотьржьце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла вѣдаша

¹ Цит. по М. Бережкову, ук. соч., стр. 78.

Варягом; нь пустиша я без мира». ¹ Это был полный разрыв. И вполне понятен гнев новгородцев. Но от разрыва отношений, видимо, Готланд страдал больше, чем Новгород. Готланд не хотел видеть у себя русские корабли, но очень нуждался в русских товарах и в купцах, везущих эти товары. Новгородцы же ответили на нападение на своих товарищей разрывом всяких отношений между Новгородом и Готландом.

Вот почему ищут мира «гъте», а не новгородцы. И удается им добиться «милости» Новгорода лишь в 1195 г., когда князь Ярослав Владимирович с посадником Мирошкою и тысяцким Яковом заключают мирный договор «с всеми немьцкыми сыны, с Готы и с всемь латиньскимъ языкомъ» о торговле и «хождении» «без пакости». ² Но и наличие договора не означало еще окончания распри. Весной 1201 г., как сообщает Новгородская первая летопись по Синодальному Харатейному списку, «варягы (так в те времена еще называли жителей Готланда, тогда как обитателей материковой Швеции уже давно называли «свеи». — В. М.) пустиша без мира за море», только «на осень придоша Варязи горою на мир, и даша им мир на всей воли своей». ³

Так как неизвестно, являлся ли договор 1195 г. (датировка, как мы видели, условная) действительно договором, формально принятым и Новгородом и «всеми латиньскимъ языкомъ» (нет указаний ни на целование креста, ни на печати), то возможно, что лишь при заключении мира в 1201 г. «на всей воли» новгородский договор Ярослава Владимировича и посадника Мирошки «с всеми немьцкыми сыны и с Готы» получил характер официального договора. ⁴

Восторжествовали «воля» и «правда» новгородские. Но уже в этом договоре речь идет больше о торговле иноземных купцов в Новгороде, чем об активной торговле новгородских «заморских гостей» на острове Готланде или на материке «латиньских языков». В этой связи получают должное освещение и кровавая, предательская расправа с новгородцами в 1188 г., и сам договор, отражающий стремление «гътов» и «немцев» сохранить свои позиции в Новгороде, но подорвать новгородское мореходство. Почему им это начинает удаваться, вполне понятно. Не надо забывать, что Новгород был один, а на Русской

¹ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 97.

² М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. 1899, стр. 108—112. Более осторожным было бы датировать этот договор временем между 1189 и 1199 г.

³ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 125, 126.

⁴ И. М. Кулишер. История русской торговли. Пгр., 1923, стр. 52, 53

земле уже «сеялась и росла усобица, погибало добро Дажбожьих внуков». Феодалная раздробленность ослабила Русь, как политический организм, и сделала ее врагов более дерзкими и настойчивыми.

Как мы уже указывали выше, плавания новгородцев не ограничивались южной и западной частью Балтийского моря, но охватывали северную и северо-западную его часть. Здесь лежали земли еми (тавастов) и суми (суоми) — финских племен, давших начало суоми-финнам. Земли еми, наиболее многочисленного финского племени, давно находились в орбите влияния Новгорода и уже в самом начале XII в. (по А. А. Шахматову не позже 1113 г., когда составлено знаменитое «Введение» к «Повести временных лет», где среди подвластных Руси племен упоминается явь, т. е. емь) платят дань Новгороду «скорой» («Устав» Святослава Ольговича 1137 г.).¹ Об этом же говорят «Хроника Эрика», («Erikskrönikan»), Якоб Циглер, «Рифмованная Хроника Финляндии» и «Chronicon Finlandiae», повествующие о том, что земля еми от Кюмени и до Хельсинки и севернее ранее входила в состав Руси и здесь господствовала «греческая вера». ² Этим, а равно мощным культурным влиянием русских на емь и сумь объясняется наличие в финском языке слов, заимствованных из русского языка и свидетельствующих о том, что с христианством, письменностью, торговлей финнов познакомили русские («аргакка» — оброк, дань, «гаамату» — библия, книга, грамота, «risti» — крест, «pappi» — поп, священник, «Турку» (Або) — торг, и др.).

Зависимость еми от Новгорода носила специфический характер. Ни крепостей, ни городов, ни поселков русских в земле еми не было. Новгородцы не навязывали еми (как, впрочем, и другим народам севера) ни своих порядков, ни своих обычаев, ни законов, ни религии. Распространение русского влияния в земле еми было обусловлено преимуществами Новгорода — его значением в экономической, политической и культурной жизни северо-запада, его местом среди земель, прилегающих к Финскому заливу, его более высокой организацией народного хозяйства, социальных отношений, государственного устройства, его более высокой культурой. Не оказывая давления на емь и не опираясь на грубое насилие, а следовательно, слабо пустив корни в почву

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, П., 1916, стр. XXI.— М. Владимирский-Буданов, ук. соч., стр. 256.

² «Svenska medeltidens rimkrönikor. I. gamla eller Erikskrönikan», Stockholm, 1865. — Jacob Ziegler. Terrae Sanctae, quam Palaestinam vocant, Syriae, Arabiae, Aegypti et Schondiae doctissima descriptio [una] cum singulis tabulis cerundem. Strasburg, 1536, стр. CVI. — Chronicon Finlandiae, Schwedische Bibliothec, т. I, Stockholm, 1728, стр. 97, 113. — Johann Messenius. Rimkrönika om Finland och der Inbyggare, Helsingfors, 1865, стр. 13.

края тавастов, так как в те далекие времена чаще всего только сила меча феодала и организованного им государства определяла его влияние и прочность владычества в землях с инородным и иноязычным населением, для сохранения своего положения на севере от Финского залива Новгород должен был прибегать к другим средствам.

Одним из таких средств укрепления и распространения русского влияния было включение патриархально-родовой верхушки эми в состав новгородского боярства (Семен Емин). На эту обрусевшую и обрусевшую племенную знать и опирался в краю «хладных скал и озер» Господин Великий Новгород. Здесь торговали новгородские купцы, здесь в земле суми был основан Турку, город-торжище, сюда плыли новгородские суда и ходили по дань новгородские «мужи».

Еще дальше на северо-запад лежала Швеция. Сюда, в Сигтуну, ходили новгородские суда и постоянно жило немало русских. По водам «моря Варяжского» в стародавние времена установился торг со «свеями». На этих же водах имели место первые вооруженные столкновения между шведами, начавшими в XII в. «крестовый поход» на Восток, в земли суми, эми и на Русь, и новгородцами и их союзниками-карелами. В 1142 г. «приходи Свѣнской князь с епископом в 60 шнек на гость, иже из Заморья шли в 3 лодьях; и бишася, не успеха ничтоже, и отлучиша их 3 лодье, избиша их полтораста».¹

Бой произошел где-то в Финском заливе, недалеко от Новгорода. Это было началом наступления шведов на Восток. В пользу того, что это был не простой налет шведских пиратов на купеческий караван, говорит и многочисленность шведского флота, и участие в походе князя (по некоторым данным, сына короля Сверкераярла Иоанна) и епископа. Это был первый, «крестовый поход» шведов на северный берег Финского залива. Поход не был удачен. Во всяком случае закрепиться на берегу шведам не удалось. Это произошло потому, что на пути шведов стала могучая сила. Силой этой был Новгород. Булла папы Александра III от 9 сентября 1171 г. сообщает, что на область в стране суоми («финнов» собственно), на юго-западе Финляндии, где только что обосновались шведы, сразу же, начиная с 60-х г. XII в. постоянно совершают нападения какие-то вражеские войска.² Нападения эти носят не грабительский, а политический характер и ставят своей целью изгнать шведов из Финляндии и освободить сумь от шведского владычества. Походы эти совершались морем, так как даже емь общалась

¹ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, 44, 45.

² Finlands Medeltidsurkunder, t. I, 1910, № 24.

с сумью морем. Хотя они и соседнили на суше, но их разделяла полоса труднопроходимых лесов.

Совершенно очевидно, что походы эти предпринимали новгородцы (эсты и емь отпадают: — у них на это нехватило бы ни сил, ни, главное, организованности) и предпринимали потому, что шведы угрожали новгородскому влиянию в земле еми и закреплялись на важнейшем морском пути, связывающем Новгород с Сигтуной и Готландом. Этот второй фактор даже, повидимому, играл большую роль, чем первый.

Новгородцы избрали правильную тактику. Защищаясь от агрессоров — шведов, они, вместо обороны, сами перешли в наступление. Шведы укреплялись на юго-западе Финляндии, вторгаясь в землю суоми. Но они, угрожая давним данникам Новгорода — еми, готовились двинуться дальше на восток и вырвать тавастов из-под влияния Новгорода. В ответ на это Новгород стремится подчинить себе сумь, распространить свое владычество на земли, подвластные с недавнего времени шведам, и изгнать последних из Финляндии. Шведы пытаются перерезать важнейший торговый путь, связывающий Новгород, — это «окно в Европу» Руси периода феодальной раздробленности, — с Готландом, Данией, Любеком, Сигтуной, стать на дороге русским купцам, плывущим вдоль юго-западного побережья Финляндии. В ответ новгородцы сами вторгаются в пределы захватываемых шведами земель суми.

Обращает на себя внимание то чрезвычайно характерное обстоятельство, что далеко не все эпизоды этой борьбы, упоминаемые в зарубежных источниках или известные нам по более поздним источникам, вспоминающим о них как о чем-то хорошо всем известном, попали на страницы новгородских летописей, и полагаем, что это было обусловлено не только сознательным отношением летописца к этим эпизодам, но и тем, что летопись, очевидно, отмечала лишь те походы, которые предпринимались новгородскими властями. Если же походы, предпринимались частными лицами и, может быть, при этом даже не из Новгорода, а из «пригородов» или Карелии, то они считались своего рода «частными предприятиями» и в летопись не попадали.

В свое время, касаясь русских походов на Восток, на Каспий, мы уже отмечали поразительное игнорирование летописью этих походов, что может быть объяснено невозможностью для летописца уследить за различного рода военными предприятиями, если они не исходили непосредственно от князя и не затевались в княжеских гридницах. Нам известны такого же рода походы и на Черное море в тех же X—XI вв.

Если мы учтем все указанное, то не будет затруднительным объяснить, почему начало борьбы новгородцев и их союзников на северном побережье Финского залива с захватчиками — шве-

дами нашло отражение в шведских и замалчивается в русских источниках.

Но замалчивается лишь до поры до времени. В 1164 г. шведы предприняли поход на Ладогу, каменный город-крепость, охранявший рубежи земли Русской на северо-западе. В этом году «Придоша свье под Ладогу, и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворившася в граде с посадникомъ с Нежатою, а по князя послаша и по Новгородце. Они же приступиша под город в субботу, и не успеха ничтоже к граду, нъ большую рану въсприяша; и отступиша в реку Вороной. Пятый же день приспе князь Святослав с Новгородьци и с посадником Захарию, и наворотиша на ня, в месяце мая в 28, на святого Еламия, в четвьрк, в час 5 дни; и победиша я Божию помощью, овы исекоша, а иные изимаша: пришли бо бяху в полушестадысят шнек, изьмаша 43 шнек; а мало их убежаша, и ти езвьи».¹

Поход 1164 г. не ставил своей целью завоевание Руси, — с такими силами даже в одной Ладоге невозможно было прочно укрепиться. Это была борьба двух аванпостов — Руси и Швеции. Поход со стороны шведов носил морской характер; русские давали им бой на суше; сперва у стен Ладоги, отбросив их, повидимому, во время вылазки и вынудив отойти к р. Вороньей между Сясью и Пашой, а затем и у Вороньей, где шведы были разгромлены новгородскими войсками князя Святослава Ростиславича и посадника Захарии.

В 1178 г. последовал морской поход союзников и подданных Новгорода карел на шведские владения в Финляндии. «Фрагмент Пальмшёльда» и «Хроника епископов Финляндии» Юстена сообщают о походе куронов на шведские владения в Финляндии и о захвате ими епископа Финляндии Рудольфа.² Полагают, что поход этот не был налетом пиратов, какими считали куронов (куров), а серьезным и сложным военным предприятием, требовавшим значительных сил, и морских, и сухопутных. Поход был предпринят морем и направлен на резиденцию епископа и центр шведских владений в Финляндии той поры — Ноуси. Цели, которые преследовал поход, носили, несомненно, политический характер. Свидетельством этого является захват, увоз, а впоследствии и умерщвление епископа.

Таков был поход 1178 г. Но почему источники приписывают его куронам, обитавшим в южной части Курляндского полуострова и абсолютно не связанным с Финляндией и ни-

¹ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 64, 65.

² Finlands Medeltidsurkunder, т. I, № 29. Juusten M. Pauli. Chronicon Episcoporum Finlandensium annotationibus et apparato monumentorum illustratum. Aboae, 1799, стр. 11.

сколько не заинтересованным в событиях на северном побережье Финского залива? Еще Г. Рейн указал, что в средневековых источниках куронов часто путают с карелами. Так напр. куроны выступают не только под названием «*cirones, choriones, charionnes, coeri*», но и «*kyri, cigri*», а карелы именуются не только «*zarjali, coreli*», но и точно так же, как и куроны, «*kurii, kyri, kuri*».

В той же хронике, в другом месте, прямо говорится о совместной борьбе русских и куронов со шведами в 1250 г., что явно невозможно, если в куронах усматривать куронов (куров) Прибалтики, завоеванной уже давно Ливонским орденом, и легко может быть объяснимо, если в куронах видеть карел.

Таким образом, куроны, совершившие морской поход на шведские владения в Финляндии в 1178 г., — это карелы, вассалы и союзники Новгорода и враги шведов. Именно им, многочисленному и сильному народу, а отнюдь не куронам, был под силу большой морской поход против шведов, носивший чисто военный, политический характер.

Но наиболее крупным военно-морским предприятием Новгорода был поход 1187 г., результатом которого явилось взятие и разрушение Сигтуны. О значении этого крупнейшего торгового порта и политического центра Швеции в новгородской торговле мы уже в свое время писали. Город, стоявший на старой знакомой морской дороге, город с многочисленным русским населением, хорошо известный новгородцам центр экономической и политической жизни Швеции, Сигтуна очутился под ударом новгородцев.

Поход на Сигтуну был нелегким предприятием. Большой и прекрасно укрепленный высокими стенами и замками-форпостами, а также естественными препятствиями — болотом и скалами, город лежал на самой отдаленной от моря точке побережья озера Мелар, в 30 км от берега моря. Дойти до Сигтуны можно было только хорошо зная фарватер, а взять город — только обладая сильным флотом и многочисленным войском.

Предпринять и успешно закончить такой поход мог только отважный и сильный народ мореходов. Русские источники ничего не говорят о сигтунском походе. Все известия о походе на Сигтуну находятся только в шведских источниках и собраны в «*Scriptores rerum Suecicarum*».¹

Все они говорят в различных вариантах о взятии в 1187 г. язычниками Сигтуны и о разрушении (сожжении) города. Одновременно упоминается о том, что «ими же» («язычниками»)

¹ *Scriptores rerum Suecicarum medii aevi*, Upsala, 1818, т. I, стр. 40, 48, 52, 84; 1871—76, т. III, 2, стр. 99.

убит в Альмарстеке (Альмаруме, Альмариуме) епископ Упсальский Иоанн, а в одном месте мы встречаем известие, что «тогда же построен город Стокгольм» (очевидно, вместо разрушенной Сигтуны). В хронике Эрика (XIV в.) рассказывается, что нападавшие «плыли от моря и вверх в Мелар» и «очень часто совершали здесь грабежи». И вот «однажды у них появилось такое желание, что они сожгли Сигтуну и жгли все настолько до основания, что этот город еще не поднялся».

Хроника Эрика, использовавшая народные предания о сигтунском походе, дожившие не только до времен ее составления (1320—1330 гг.), но и позднее, знает и национальность нападавших. Это были карелы.

Хроника Эрика Олая (середина XV в.) называет участниками похода на Сигтуну русских и карел.

Участие русских в походах на Сигтуну косвенно подтверждается рядом других источников и свидетельств. Так, уже упоминаемая нами выше хроника Эрика начала XIV в., говоря о том, что карелы нападали на Сигтуну и что после похода Биргер построил Стокгольм для того, чтобы не пускать в озеро Мелар карелов, в то же время отмечает, что разрушение Сигтуны «обрадовало землю Карел и Руссов». Конечно, это указание хроники Эрика может быть понято, исходя из естественного отношения Руси, Новгорода к удачному походу его вассалов — карел на Сигтуну, откуда, вероятно, исходила инициатива шведского наступления на восток, в земли суми и еми, угрожавшего и Новгороду, причем сам факт того, что «Руссы» радовались удаче похода, не означает еще необходимого признания активной роли русских в морском предприятии карел.

И тем не менее мы можем утверждать, что поход «язычников» в 1187 г. на Сигтуну был походом, предпринятым одновременно и русскими и карелами.

Вряд ли следует отвергать предположение, что если народные предания, отразившиеся в хрониках, точно указывают на национальную принадлежность нападавших на Сигтуну «язычников», то это еще не означает, что участниками похода 1187 г. были только карелы.

Морские походы карел на Готланд и Швецию в XII в. подтверждаются находкой в Карелии специфической фибулы XII в. с рунической надписью и именами, встречающимися только на Готланде, а так же указанием хроники Эрика на частые набеги карел на Швецию. Но это все были набеги, ставившие своей целью захват добычи и не больше. Постоянных и регулярных связей, в частности, торговых сношений между землей карел и Швецией не было, а между тем только такие прочные и систематические сношения приводят к тому, что обе стороны (или одна из сторон) хорошо узнают друг друга и, прежде всего,

пути, по которым приходится общаться. Регулярно плававшие в Сигтуну и постоянно в ней жившие русские хорошо знали дорогу по морю и озеру Мелар, в глубине шхер которого лежала Сигтуна. Только хорошо зная фарватер и изрезанное фиордами побережье озера Мелар, можно было не только дойти до Сигтуны, но и скрывать свои суда в засаде среди береговых скал, о чем повествует хроника Эрика Олая. Так как карелы на Сигтуну до 1187 г. не нападали и никакой заморской торговли не вели, то естественно, что привести карел в Сигтуну могли только русские мореходы — новгородцы, а это, в свою очередь, предполагает их наличие (и не обязательно только в качестве лоцманов) в том флоте «*raganis*» (язычников), который напал на Сигтуну. Именно они, славные и опытные мореходы, хорошо знавшие Сигтуну и фарватер озера Мелар, на берегу которого она лежала, оставившие здесь следы своего пребывания в названиях прибрежных пунктов озера Мелар (бухта *Russeviken* и мыс *Ryssenudden*), на своих судах прибыли к Сигтуне и привели с собой карельские суда.

Подтверждением активного участия русских в походе на Сигтуну являются и знаменитые врата Новгородской Софии. Уже в конце XV в. в Швеции, когда народные предания стали связывать разрушение Сигтуны с русскими, возникло и распространилось отражавшее действительное историческое событие предание об увозе русскими городских врат.

В Новгородской святой Софии действительно стоят врата, изготовленные в 50-х г. XII в. в Магдебурге. Эти врата ошибочно названы «Корсунскими», хотя они и изготовлены на Западе, тогда как врата византийской работы, подлинно «корсунские», почему-то носят название «Сигтунских».¹ Врата не могли быть куплены новгородцами, так как скульптуры их не соответствуют понятиям православного духовенства, да и сами католики не стали бы их продавать. При перевозке были утрачены части и нарушен замысел скульптора. На месте, в Новгороде, утраченные части были заменены. Это еще раз говорит за то, что врата попали в Новгород в качестве военной добычи. Кроме Сигтуны из крупных городов новгородцы в XII—XIII—XIV вв. брали с боя Дерпт (Тарту) и Або (Турку), но с этими городами никаких преданий, увязывающих поход русских с захватом городских врат, не связано. Кроме того, в самих т. н. «Корсунских» вратах не трудно установить отпечаток шведского искусства и даже более того, следы культа Сигфрида, особенно почитаемого в Сигтуне. Все это говорит за до-

¹ Поэтому в дальнейшем изложении, говоря о вратах, вывезенных из Сигтуны, мы имеем в виду так называемые «Корсунские» врата.

стоверность шведского предания об увозе русскими городских врат Сигтуны.¹

Если бы поход 1187 г. был совершен только карелами, врата Сигтуны не стояли бы в Новгородской Софии. Итак, поход 1187 г. на Сигтуну был совместным походом русских и карел — вассалов Новгорода.

Результатом похода на Сигтуну и разрушения города были описанные нами уже выше события 1188 г. Когда «...рубаша Новгородъце Варязи, на Гътех Немьце, в Хоружьку и в Новотържце; а на весну не пустиша из Новагорода своих одного муж за море, ни съла въдаше Варягом, нъ пустиша я без мира».

Ответом на разрушение Сигтуны было нападение «варягов» (жителей Готланда) на русских на Готланде. То же самое произошло и в Швеции, так как «Новоторжец» новгородской летописи не что иное, как Nyköping, а «Хоружек» — Thorshälla — гавань в Швеции. «Новоторжец» — это буквальный перевод шведского Nyköping, а «Хоружек» — искаженное Thorshälla.

Вполне понятно, почему ответом шведов на сигтунский поход были репрессии по отношению к русским купцам. Шведы знали, что поход предпринимал Новгород, и считали ответственными за военные предприятия Новгорода мирных новгородских купцов. «Розмирье» Новгорода с Готландом привело к тому, что путь на Готланд был закрыт. Тогда, повидимому, новгородцы нашли прямой путь на Любек и в другие порты южного и западного берега Балтийского моря. Это предположение кажется тем более обоснованным, что иначе нам трудно понять уступчивость Готланда, принявшего все условия Новгорода и заключившего мир «на всей воли» новгородцев. Новгород сумел найти путь к Любеку и другим портам Балтики в обход Готланду, что не могло не ударить по готландским купцам.

Борьба со шведами продолжалась и после сигтунского похода. В 1190 г. «избиша Псковичи Чюдъ поморскую, 7 шнек».² Мы не знаем, о какой «чюди» идет речь, но, несомненно, бились псковичи с нею не на суше, а на воде. Новгородская I летопись сообщает: «пришли бо бяху... оболочилися около порога в озеро, и удариша на не Пльсковичи и не упустиши ни мужь, а шнеке привезоша Пльскову в город».³

Уже в те времена Псков стал на охране Руси с запада так же, как Новгород оборонял ее с северо-запада.

¹ И. П. Шаскольский. Предание о «Сигтунских вратах» и его достоверность. Ученые записки ЛГУ, № 112, серия исторических наук, вып. 14, Л., 1949.

² Новгородская IV летопись, стр. 17.

³ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 98, 99.

В 1198 г. новгородцы совершают опустошительный поход на шведские владения в Финляндии, тянувшиеся узкой ленточкой вдоль берегов земли суми. Сведения об этом походе сохранила хроника Юстена и фрагмент Пальмшёльда. Они сообщают, что никаких дел от третьего епископа Финляндии Фольквина не сохранилось, так как все погибло во время опустошения, произведенного русскими, в день Пятидесятницы взявшими и разрушившими Або.¹ Новгородцы морем дошли до района Або, высадились на побережье и, огнем и мечом пройдя вдоль берега, так основательно разгромили шведские колонии, что понадобились десятки лет для того, чтобы восстановить во всей ее прежней силе власть шведов и возродить в земле суми христианство. Булла папы Иннокентия III от 30 октября 1209 г. рисует нам картину жалкого существования разоренных шведских владений в Финляндии и угасания христианства.

На этом заканчиваются морские походы новгородцев на шведов в Финляндию и Швецию. Как правило эти походы предпринимались только частью новгородского общества, исходили из каких-то пунктов необъятной земли Новгорода, частью, по видимому, носили стихийный народный характер и не заслуживали внимания с точки зрения официального летописца, а посему и не попали на страницы летописи. Походы эти порою даже не были, по видимому, известны во всех своих деталях в Новгороде. Во всяком случае официальные власти Новгорода их не предпринимали.

Почему после 1198 г. затихает борьба новгородцев со шведами?

По видимому, прекращение русского наступления на Финляндию после успешного похода 1198 г. находит объяснение в том, что удары против шведов со стороны Новгорода и карел часто не направлялись каким-либо одним организующим центром. Когда шведы в Финляндии переходили в наступление, усиливался и отпор со стороны русских и карел. Когда же шведы были разбиты и надолго перестали быть серьезной силой — ослабел и отпор со стороны русских и карел. Изгнать шведов из Финляндии могли лишь власти самого Господина Великого Новгорода, но они редко занимались делами суми и еми и, кроме того, в начале XIII в. все их внимание было поглощено усобицами и борьбой с Ливонскими рыцарями. Вот что дало возможность шведам обосноваться в старинных русских землях в Финляндии.

XIII в. в русской истории — этот период, когда Русь «распадалась на уделы, делилась и подразделялась... была раздираема феодальными войнами и теряла целые области вследствие

¹ Juusten M. Paulus. Chronicon Episcoporum Finlandensium ..., стр. 12.

интервенции соседних народов». ¹ Феодальная раздробленность ослабляла позиции Руси и на северо-западе. Не случайно именно в это время автор «Слова о полку Игореве», как бы предвидя то страшное бедствие, о котором будет говорить «Слово о погибеле Русской земли», тщетно призывал князей русских к объединению.

К. Маркс замечает, говоря о «Слове о полку Игореве»: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». ²

Русь потеряла Тмутаракань и Лукоморье, теряла она и землю еми, северное побережье Финского залива, на которое ранее распространялось новгородское влияние. Причину того, что шведская колония смогла уцелеть, следует искать именно в феодальном раздроблении Русской земли, в княжеских «кóторах», в феодальных войнах, в которые втянули и Господин Великий Новгород. И невольно хочется провести аналогию между той обстановкой, которая сложилась на берегах Финского залива и у входа в Ботнический залив, и той, которая была характерна для Восточной Прибалтики и была определена К. Марксом одной фразой: «Если бы эти племена были единодушны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон». ³

Мы попытались проследить историю русского мореходства на Черном, Каспийском и Балтийском морях в период феодальной раздробленности до установления татарского ига. Теперь нам предстоит остановиться на проблеме освоения русскими мореходами северных морей и, в первую очередь, Белого моря.

Задача предстоит трудная, так как в источниках Белое море предстает как уже давно и прочно освоенное суровыми и предприимчивыми русскими людьми, но когда начался этот процесс освоения, когда впервые русские суда были спущены на воды Белого моря, кто были те русские, которые первыми не побоялись холодной беломорской волны, когда и откуда они пришли сюда, к берегам Студеного моря, — все эти вопросы, к сожалению, не освещены в письменных источниках. Приходится пользоваться всякого рода косвенными данными и, идя вспять от XIV или, в лучшем случае, от XIII в., попытаться восстановить позабытую картину русского севера XI—XII вв., т. е. тех времен, когда север Восточной Европы заселялся и осваивался русскими людьми, становился подлинно русским.

¹ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century 1899, гл. V.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122.

³ К. Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 341.

Русского человека на далекий север к берегам Белого моря, на далекие Печору и Трех, в землю Югорскую привело то же самое стремление к освоению богатых пушным зверем и рыбой, птицей и морским зверем лесов, рек и морей, та же самая жажда промысловой деятельности, та же самая, характерная для русских людей, предприимчивость, которая привела правнуков беломорских поморов казаков-землепроходцев XVI—XVII вв. на Камчатку и Колыму, на берега Иртыша и Амура, к Охотскому и Берингову морям.

«Неродимая земля» северных и восточных окраин новгородских пятин вынуждала новгородцев стремиться к рекам, изобилующим рыбой, к лесам, где пушной зверь не редкость, а постоянный обитатель, к морям, богатым и рыбой и морским зверем. Всем этим были богаты далекие «земли» новгородские, «волости», лежащие на крайнем севере, земли подлинных и потенциальных данников Новгорода, малочисленных и слабых северных народов: лопи (саамов), чуди заволоцкой (коми-зырян), югры (хантов и маньси, остяков и вогулов), самоеди (ненцев). Сюда на Север шли простые люди, «меньшие», спасаясь от эксплуатации бояр; стремились и боярство для того, чтобы начать эксплуатацию русского и нерусского населения Поморья, Подвинья, Приуралья.

«Повесть временных лет» под 1096 г. помещает замечательный рассказ новгородца Гюряты Роговича: «яко послах отрок свой в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новгороду; и пришедшу отроку моему к ним, а оттуду иде в Югру, Югра же людье есть язык нем, и соседять с самоедью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: „дивьно мы находим чюдо, егоже несмы слышали преже сих лет, се же третьее лето поча быти; суть горы заидуче в луку моря, имже высота ако до небесе, и в горах тех кличь велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися: и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку их, но кажють на железо, и помавають рукою, просяще железа и аще кто даст им ножь ли, ли секиру, и они дають скорою противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощии“». ¹

В рассказе Гюряты Роговича мы находим указание и на народы, населяющие страны «полунощные», и на немую меновую торговлю, и на пределы новгородских владений.

Печора, Югра, горы до Лукоморья (в которых не трудно усмотреть Уральские горы, или, по-новгородски «Камень»), а быть может и Обь — таковы географические познания новго-

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 226, 227.

родцев конца XI в.¹ Это первое засвидетельствованное источниками указание на то, что новгородцам в XI в. были известны не только страны, но и моря «полуношные».

Богатый пушниной Север манил к себе предприимчивого новгородца. В родных краях, где были только «лоскуты орамой земли», жилось трудно. Север был суров, но о его богатствах давно уже ходили легенды. Новгородцы передавали из уст в уста старинное предание, пришедшее из далеких северных земель, о том, как старики, ходившие за Югру и Самоядь, рассказывали, что видели в странах «полуношных» удивительные чудеса — с неба спускается туча, из нее падают маленькие белки, растут и, выросши, разбегаются по земле. Спускается еще и другая туча, откуда падают маленькие олени и тоже, выросши, расходятся по земле.

Рассказ этот в летописи помещен под 1114 г., но ссылка на стариков, ездивших в Югру и Самоядь, свидетельствует о том, что путь на Север новгородцы проложили давно, задолго до XII в.² Во всяком случае он был хорошо известен уже давным-давно ладожанам, жителям Ладоги (ныне Старой Ладоги), этого русского форпоста на северо-западе и севере, средостения многих путей, на авторитет которых и ссылается летописец, приводя свой рассказ о пушном Эльдорадо на далеком Севере, в землях югры и самоеди.

«...Сему же ми есть послух посадник Павел Ладожкый и вси ладожане».

На далекий, суровый и холодный негостеприимный Север уходившие со своих «неродимых» земель предприимчивые новгородцы проникали разными путями. Шли Свирью на Онежское озеро, и далее, через реку Водлу, на Онегу, а оттуда прямо к морю или через реку Емцу на Северную Двину. Шли и через реку Вытегру к озеру Лаче, а оттуда речками и волоками попадали в море или на Двину. Уходили к морю и через северный берег Онежского озера на реку Выг, Суму и Нюхчу прямо к берегам Онежской губы. Шли от Корелы в «дикую лопь», а оттуда через Карелию к Белому морю.

Шли в дремучую северную тайгу, в тундру, в край зимней ночи и летнего дня, к берегам Студеного моря, шли за рыбой и мехами, морским зверем и солью.

Из каких социальных слоев выходили и что представляли собой эти первые русские поселенцы на Севере? Среди новгородцев, осваивавших Север, были и боярские холопы, и монахи, и свободные поселенцы — крестьяне. Именно эти последние, охотники, рыбаки, зверобой, солевары, «складывавшиеся»

¹ М. С. Боднарский. Очерки по истории русского земледелия. М.-Л., 1947, т. I, стр. 19.

² Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 199—200.

в «дружины», осваивавшие своим трудом землю и воды Севера, положили начало смелым и стойким поморам.

Когда же русские обосновались на берегах Северной Двины и Белого моря? Имеются в виду не походы и поездки торговых людей, не сборы дани, а именно постоянные поселения русских промысловых людей.

Повидимому, появление постоянных поселений русских поморов-промысловиков относится к тому же XI в., точнее ко времени не позже XI в., что и рассказы Гюряты Роговича и поездки новгородских «мужей старых» «за Югру и Самоедь», в «полуощные страны».

Устав новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. упоминает Иван-пogост, который со временем вошел в состав Холмогоров под названием Ивановского посада. Устав 1137 г. упоминает также расположенные у Холмогор Пинегу, Кегрелу, Ракулу, Емцу (устье), Вагу (устье).¹ Таким образом Холмогоры и их окрестности явились древнейшим новгородским поселением на Двине, в Поморье. Сами Холмогоры выросли на месте древнего «чудского» поселения, поселения коми, о котором говорят скандинавские саги начала XI в.²

Топонимика этого края древних биармийцев в районе Холмогор (Ухт-остров, Наль-остров, Кур-остров) говорит о том, что, как и везде на Севере, русские поселенцы мирно селились рядом с аборигенами, передавая им свою более высокую культуру; и либо подвергали их своему культурному влиянию, либо вовсе растворяли их в своей этнической среде. Поэтому трудно сказать, когда кончается мореходство зверобоев Севера, поклонявшихся Иомале (Юмале), о чем говорит норвежец Отер, информатор англо-саксонского короля Альфреда Великого, сага о Торрере Собаке и другие исландские саги, так красочно повествующие о сказочно-богатой Биармии, и когда начинается мореходство русских — христиан. Повидимому, одно выросло из другого и покрывало собой это первое, древнейшее, архаичное и примитивное.

Так шел на Север русский люд из земель новгородских. Но существовал и другой путь, по которому русские люди проникали на Север. Речь идет о колонизационном потоке, устремлявшемся на Север из междуречья Волги и Оки, из земель Владимиро-Суздальских и Белозерских. Уже в самом начале XIII в., а быть может, и несколько ранее, на Севере появляются владения великих князей Владимирских. Из грамоты

¹ М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. 1899, вып. 1, стр. 255, 256.

² С. Ф. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера, вып. 1, 1922, стр. 32; его же. Прошлое русского Севера. 1923, стр. 14, 15 и др.

великого князя Андрея Александровича известно, что великий князь посылал «на море» свои «ватаги» для поимки ловчих птиц, «ходил» «на Терскую сторону». По аналогии с грамотой Ивана Калиты, можно предположить, что речь идет о «Печорской стороне» и «Зимнем берегу» Белого моря, где истари стояли ловческие займки князей северо-восточной Руси.

Андрей Александрович указывает, что это право на «места» на далеком Севере «пошло при моем отце и при моем брате». ¹

Грамота Андрея Александровича (1294—1304 гг.) является ценнейшим источником, свидетельствующим о том, что русская колонизация Севера имела своим исходным пунктом не только Новгород, но и Суздальскую землю.

Различное происхождение русского населения Подвинья и Поморья нашло отражение в северо-русских диалектах. Цокающие говоры русского Севера — остатки речи новгородцев, колонизовавших край, а нецокающие говоры, распространенные по Шексне, в Белозерье и на Онеге, являются рудиментами речи русских поселенцев, переселившихся из Ростово-Суздальской земли. ² Итак, не может быть сомнений в том, что в XI—XII вв. освоение русскими Севера и, в частности, берегов Белого моря, достигло значительных успехов. Выход русских промысловых людей на морское побережье не мог не сделать их поморами. Бойкий торг продуктами северного морского зверобойного промысла, столь характерный для Новгорода того времени, в первую очередь, свидетельствует о том, что новгородцы не побоялись на своих утлых суденышках устремиться по холодным волнам Белого моря далеко на север.

Более того, русские поморы уже в те времена постоянно и регулярно, повидимому, ежегодно пересекали Белое море с юга на север и с севера на юг. На Двину, в Заволочье, на берега Белого моря новгородцы ходили каждый год. Эти малые, неофициальные походы в летопись не попадали. Они были обычны, о них не стоило писать, детали их ускользали от летописцев, не подвергались и не подлежали контролю со стороны новгородских властей. Поэтому о них мы почти ничего не знаем, а два-три факта, попавшие в летопись, не дают полного представления о колонизации Севера. Но если учесть, что в XIV—XV вв., когда освоение русскими Севера достаточно подробно отразилось в источниках, Север был уже густо заселен и стал, так сказать, своим, русским, привычным, исхоженным и изъезженным, знакомым и дорогим сердцу, то есте-

¹ Акты Археографической экспедиции. 1836, т. I, № 1, 2, 3, стр. 1, 2.

² В. Г. Орлова. Цоканье в русских говорах. Ученые записки МГУ, вып. 128, Труды кафедры русского языка, кн. I.

ственно, начало процесса освоения Поморья следует отнести к гораздо более раннему периоду времени, что мы и сделали, опираясь на немногочисленные свидетельства источников и некоторые косвенные сведения.

С южного берега Белого моря новгородцы проникли и на северное его побережье. Кольский полуостров был освоен выходцами из Заволочья. К XIII в. уже вся земля саамов была обложена данью в пользу новгородцев, и русские владения по побережью Баренцова моря тянулись в те времена гораздо дальше на запад, чем во времена последующие. Следовательно, уже тогда русские суда бороздили воды и Белого и Баренцова морей.

Подводя итоги всему сказанному о русском мореходстве в период феодальной раздробленности до установления татарского ига, мы опровергаем обычное представление о том, что после знаменитых морских походов первых киевских князей южные моря (Черное, Азовское, Каспийское) перестают интересоваться русских и становятся недоступными, отрезанные от Руси половецкой степью, и единственной активной морской силой на Руси остается Новгород.

Период феодальной раздробленности отнюдь не характеризуется прекращением активности русских на морях, и Новгород отнюдь не является исключением в этой области. Меняется только характер мореходства, характер морских походов, пути русских мореплавателей. Тяга к морю, воплощенная в конкретных делах, в русском народе отнюдь не умирает, а продолжает жить, сохраняется под пеплом татарского пожара, и во времена казачьих походов она, как искра, начнет разгораться в пламя.

5. РУССКИЕ СУДА

Вполне естественно, нас интересует вопрос — какими средствами преодоления водных пространств обладали славяне, как выглядели их первые суда, как эволюционировало судостроительное мастерство, как возникало и развивалось мореходное, и, в частности, военно-морское искусство. Как ни скудны наши сведения, как ни ограничен круг наших источников, но и на этот вопрос мы попытаемся дать ответ.

Погребальные обычаи восточных славян периода первых письменных источников свидетельствуют о чрезвычайной оригинальности лодьи и саней в качестве средств передвижения. Обычай погребать покойника или доставлять труп к месту погребения в лодье или на санях указывает на то, что в религиозных представлениях восточных славян, отражавших чрезвычайно архаические формы быта, сани и лодья выступают в качестве древнейших средств передвижения. Эти последние нужны покойнику для того, чтобы перебраться в загробный мир. Средством передвижения на земле были лодья и сани. Так было в древности, в далекие времена, когда еще не было ни колеса, ни телеги, а зимой и летом перебирались по суше в примитивных волокушах или санях, как это имело место еще не в столь отдаленные времена на Камчатке. И «сядя на санех» (т. е. на склоне лет, в ожидании смерти, перед кончиной, у гробовой доски) Владимир Мономах, употребляя народное выражение, в своем «Поученье» сохранил нам, как и миниатюры Сильвестровского списка «Сказания о Борисе и Глебе», память не только о древнем погребальном обычае, но и о доколесных средствах передвижения своих далеких предков.¹ Синхронным, если не более древним, был обычай погребения в лодье, свидетельствующий, что у предков славян передвижение связывалось с челноком, лодьей. Ею и снабжали покойника, отправляющегося на тот свет. Ибн-Фадлан с рядом красочных

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 232. — Д. Н. Анучин. Сани, лодья и кони как принадлежности похоронного обряда, М., 1890.

подробностей описывает похороны знатного руса, сжигаемого в собственной лодье.¹

Остатки погребений в лодьях обнаружены при археологических раскопках.² Из всего сказанного естественно вытекает, что лодья была древнейшим средством передвижения у восточных славян.

В письменных источниках древнейшие русские суда выступают под названием «кораблей» и «лодей» (ладий, оладий), причем этими терминами летописец пользуется альтернативно, и выступают они в самом широком, нарицательном значении и употребляются для обозначения всякого судна вообще.³

Обычно представление о греческом происхождении русского слова «корабль» (от греч. — *κάραβος*) не имеет за собой никаких оснований. Мы можем проследить как раз обратный путь этого слова.

Наличие в ряде языков южной, юго-восточной и юго-западной Европы и сопредельных с ними земель мусульманского Востока слов, обозначающих судно и происходящих от слова «корабль» (латин. — *carabus*, исп. — *carabella* и порт. — *caravella*, араб. — «караб» и «гураб»), при отсутствии языковых и смысловых аналогий в языках Северной и Западной Европы говорит о единстве происхождения термина «*carab*», и вряд ли мы ошибемся, если предположим, что на юге христианского и в мусульманском мире этот термин распространялся из Византии.

Византия же заимствовала слово «корабль» из русского языка, переделав его в «*κάραβος*». Такой вывод на первый взгляд кажется неожиданным и необоснованным, причем такого рода отношение к высказанной гипотезе обусловлено обычным представлением, что русский язык может заключать и заключает в себе ряд иностранных слов, но сам он на языки соседних народов, а особенно на греческий и латинский, влиять никак не мог.

Такое представление не соответствует действительности. Стоит вспомнить (у Плиния) латинское слово «*viverga*» (белка), явно позаимствованное из восточнославянских языков и представляющее собой латинизированную «виверию» и греческое «*καυνάκη*» — «*καυνάκης*» того же происхождения, обозначающее «одежду из меха», происходящее от «куницы».⁴

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, под ред. И. Ю. Крачковского, стр. 79—84.

² Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 25

³ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 20, 29, 34, 35, 43, 45, 150. — Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 351, 352.

⁴ Griechisch-Deutsches Handwörterbuch, т. I, 1866.

Постараемся аргументировать высказанное предположение о восточнославянском происхождении греческого «*κάραβος*» (ново-греч. *καράβι*). Во всех без исключения славянских языках встречается слово «корабль», «кораб», «корабль» в значении «судна» (болг. — «кораб», чешское «*kořab*», польское — «*kořab*», серб. — «кораб», и т. д.).¹

И. И. Срезневский указывает: «нет ни одного славянского наречия, в котором это слово не было бы своим... слово *kořab*, *kóřabi* — живет, как народное».² Еще С. А. Гедеонов, а затем и Н. П. Загоскин совершенно справедливо восстали против объяснения слова «корабль», как заимствования из греческого.

Корень «кор», «кора», «корье», лежащий в основе слова «корабль» («корабль-ль»), лежит в основе и таких слов как «короб», «коробка», «корзина» и обозначает некое вместилище, сделанное из коры. Не случайно и до сих пор в чешском языке слово «*kořab*» означает и древесную кору, и большую лодку. И это вполне понятно, если мы учтем, что древнейшие суда делались из прутьев и обшивались корой, а позднее кожами. Исидор объясняет: «*carabus* — есть малая ладья из сплетенных прутьев, обтянутых кожей».

Таким образом, в славянских языках понятие «судно» обозначалось словом «корабль» потому, что некогда, в очень отдаленные времена, суда действительно представляли собой лодки, сделанные из коры. В других индоевропейских языках слова, обозначающие суда, уже не отражали этой ранней ступени судостроительного искусства, и слово «корабль» пришло в греческий язык в архаическом, первоначальном его значении из славянских языков, в частности, из русского языка. Античная Греция не знала слова «*κάραβος*», обозначающего судно. В языке древней Эллады встречается слово «*κάραβος*» в значении древесного жука или определенного вида морского краба. И только у Гезихия из Александрии впервые это слово выступает в обозначении лодки, ботика, т. е. судна. Но произведение Гезихия относится к VI или началу VII века н. э., т. е. к тем временам, когда «ромен» уже хорошо знали славян, и Византия давно подвергалась их ударам и с суши и с моря.

Предполагать, что «крабом» стали называть «судно» потому, что оно стало панцырным, невозможно, так как русские суда, а их византийцы и называют «*κάραβος*», никогда не были панцырными. Следовательно, в греческий язык слово «*κάραβια*» проникло из славянских языков относительно поздно, в визан-

¹ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 353.

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 1284.

тийские времена.¹ Поэтому-то Константин Багрянородный в своем сочинении «De ceremoniis aulae Byzantinae» употребляет термин «καράβια» только по отношению к русским кораблям (ρωσικα καράβια, Ῥως καράβια). Смысл этого слова грекам был уже непонятен, и они оперировали им, как чужим словом. Следовательно, судостроительное искусство древней Руси восходит к седой древности, ко временам начального формирования славянских языков, т. е. во всяком случае к эпохе переходной от высшей ступени дикости к низшей ступени варварства.²

Очень древними терминами было и слово «лодья» («ладья», «олядь», «лодь», «лодья», «ладия»), так же как и «корабль», обозначающее судно вообще и встречающееся в ряде славянских языков (чешское «lod», «lodi», польское «lodzia», вендское «lodia», поморско-люнебургское «lida»)³.

С течением времени слово «лодья», «ладья», «лодка» вытесняет старый, архаический термин «корабль», сохраняющийся лишь в торжественной речи и в эпических произведениях.

Н. П. Загоскин намечает несколько этапов в истории судостроения у восточных славян и несколько типов судов, последовательно сменяющих друг друга. Древнейшим судном восточных славян (да и всех славян вообще) является уже упомянутый выше архаический «корабль», сделанный из гибких прутьев, скорее всего ивовых, и обшитый корой, а затем и кожей, напоминающий пироги индейцев и каяки эскимосов, чрезвычайно легкий, удобный при переноске через бесчисленные «волоки» и пороги, быстрый на ходу, но малоустойчивый,⁴ маловместительный, непрочный и почти непригодный для плавания в открытом море.

Время монопольного господства таких судов у восточных славян отделено от первых письменных источников не сотнями, а тысячами лет.

Вторым по времени и гораздо более совершенным типом судна является лодка («лодья») однодеревка, моносил (μονοξύλα, монохула) греческих источников. Это были огромные древесные стволы, выдолбленные внутри, обтесанные, могущие

¹ Griechisch-Deutsches Handwörterbuch von Pape, Braunschweig, 1866. — Greek-English Lexicon Liddell — Scott, Oxford, 1925.

² Л. П. Якубинский. Образование народностей и их языков. Вестник Ленинградского университета, № 1, 1947, стр. 149—152.

³ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 358, 359. — Русская Правда, изд. АН СССР, т. I, стр. 72, 80, 113, 131, 158, 174, 196, 225, 288, 310, 336, 357, 384, 399, 436, 437; т. II, стр. 207, 208, 214, 577, 578. См. также Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России, стр. 174.

⁴ Устойчивость — морской термин, означающий устойчивость корабля.

вместить сравнительно большое количество людей и груза, но все же не очень вместительные и малоустойчивые. Далеким их потомком, миниатюрным по размерам, является кое-где уцелевший до наших дней рыбацкий долбленный челнок-душегубка. Такое судно, почтенной давности, хранится в Военно-Морском музее ВМС СССР в Ленинграде.

Такие долбленки-однодеревки в первоначальном своем виде длительное время сохранялись в качестве речных судов, особенно на небольших речках и озерах, но на море они, повидимому, в скором времени уступили свое место судам другого типа.

Третьим по времени типом судна, с которым русские и выступили в военно-морской истории и появились у стен Суружа и Амастриды, Константинополя и Бердаа, и который у греков и получил название моносила, хотя таковым, собственно говоря уже не был, уйдя далеко вперед по сравнению с подлинной долбленной лодьей-однодеревкой, были т. наз. «набойные лодьи».

Долбленная колода-однодеревка составляла у «набойной лодьи» как бы только основу, остов. Надводная часть такой лодьи увеличивалась нашивкой к бортам колоды путем «набоя» край на край, одна на другую, досок («набоев»), что значительно увеличивало ее размеры, грузоподъемность и остойчивость.¹ И, наконец, четвертым типом явилось судно, целиком сделанное из досок («лодья» досчатая, или «досчаник»). Его размеры не регламентировались величиной колоды, и форма его зависела целиком от желания судостроителей. Такого рода «лодьи», по мнению Н. П. Загоскина, очевидно, со временем получили преимущество перед «набойными» лодьями и получили название «лодьи морской», или «лодьи заморской».²

Я считаю такое объяснение более правильным, чем попытка объяснить термин «лодья заморская» иноземным, «заморским» ее происхождением, которую сделал П. И. Белавенец.³ Благодаря любезности члена-корреспондента АН СССР профессора Ленинградского университета В. И. Равдоникаса мне удалось на раскопках в Старой Ладоге в 1948 г. в слоях X в. видеть т. наз. «кокоры» такой дощатой лодьи. Это громадные деревянные скрепы-ребра (шпангоуты), служащие для соединения и скрепления досок, составляющих борт такой «лодьи замор-

¹ Русская Правда, ук. изд., т. II, стр. 577, 578.—Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 366, 367.—П. И. Белавенец. Материалы по истории русского флота. М.-Л. 1940, стр. 16.

² Русская Правда, ук. изд., т. I, стр. 113, 131, 158, 174, 196, 225, 256, 288, 316, 357, 384, 436, 439; т. II, стр. 577.

³ П. И. Белавенец, ук. соч., стр. 16.

ской». Раскопки В. И. Равдоникаса дали уникальный материал совершенно исключительного значения для истории русского судостроения.

Такова была в основных чертах эволюция русских судов. Во времена образования и расцвета Киевского государства и в период феодальной раздробленности до XIII в., т. е. в хронологических рамках нашего исследования, существовало, конечно, немало типов судов. Наряду с совершенными судами с высокими бортами встречались и архаические, наряду с большими — маленькие.

В XI—XII вв. упоминаются «насады» («носоды»). О них говорят «Повесть временных лет», Ипатьевская летопись, Новгородские летописи, «Русская Правда», «Слово о полку Игореве». ¹ «Насады» были вместительными судами и, повидимому, были близки к «набойным лодьям». ² «Русская Правда» сохранила нам еще упоминания о «струге» и «челне». О их величине говорит статья «Русской Правды» (Троицкий список), которая позволяет судить о размерах и ценности русских судов того времени. Речь идет о штрафах («продаже») за кражу судов. Самый высокий штраф полагается за кражу морской лодьи — 3 гривны, за набойную лодью устанавливается штраф в 2 гривны, за лодью — 60 кун (в гривне 50 кун), за струг — гривна и за челн — 20 кун. ³

Следовательно, струг дешевле лодей и, несомненно, меньше их. И, наконец, понятно маленький речной челн стоит дешевле всех.

Близок челну учан, упоминаемый в «Договорной грамоте Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом» 1229 г., в которой учан приравнивается к челну («у кого ся избить оучан, а любо челн...»), хотя быть может учан больше челна. ⁴

Источники интересующей нас эпохи в истории Руси сохранили и ряд названий судов иноземного происхождения. К числу таковых следует отнести встречающийся в летописи один раз термин «скедия» (греч. — *skédia*), ⁵ трижды — тер-

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 132. — Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 261, 293, 346, 422, 457. — Русская Правда, ук. изд., т. II, стр. 578. — Новгородская IV летопись, ПСРЛ, т. III, стр. 42.

² Мрочек-Дроздовский полагал, что набойная лодья и насад понятия равнозначные и обозначают лодью, на которую «набивались» или «насаживались» доски обшивки. См. его Исследования о Русской Правде, вып. I, стр. 205, 206.

³ Русская Правда, изд. АН СССР, ч. I, 1940, стр. 113. — Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 364, 380, 381.

⁴ М. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, 1899, вып. I, стр. 125.

⁵ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 43.

мин «кубара» (греч. — κομάριον),¹ один раз под 1182 г. галея (галера),² шнеки (сканд. «шпек»), уже упоминавшиеся нами выше, указания на которые мы встречаем в новгородских летописях и в «Повести об Александре Невском», а с начала XIV в. лойвы и ушкуи (слова финно-угорского происхождения). Кроме того встречаются «триреи» (триеры) и дроманы (дромоны). Некоторые из этих терминов надолго закрепились на Руси, другие же (скедия, кубара, шнека, триреа, дроман) скоро исчезли и применялись чаще всего по отношению ко вражеским судам.

Следует отметить, что как термин «корабль» вошел в греческий язык, а из него попал и в другие языки народов стран Средиземноморья, так и русский термин «лодья» вошел в языки соседей Руси на севере, шведов (lodia) и финнов (lotia).³

Судостроительное искусство на Руси непрерывно совершенствовалось. Под 1151 г. Ипатьевская летопись помещает рассказ о речном сражении на Днепре между князем Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем, князем киевским. В этом сражении на стороне киевлян действовали суда нового типа.

«Бе бо исхитрил Изяслав лодьи дивно: беша бо в них гребци невидимо, токмо весла видити, а человек бяшетъ не видити; бяхуть бо лодьи покрыты досками, и борци стояще горе в бронях и стреляюще, а кормьника два беста, един на носе, а другый на корме, аможе хотяхуть, тамо поидяхуть, не обращаяще лодий».⁴ «Лодьи» Изяслава Мстиславича были устроены так, что гребцы были укрыты дощатой палубой, которая одновременно служила помостом для облеченных в броню и обстреливающихся неприятеля воинов. «Лодьи» имели по два руля-весла, одно на корме, и одно на носу, что давало им возможность, не поворачиваясь, идти по желанию и передним и задним ходом. Это было первое собственно военное русское судно. Сложными, с «чердаками», богато изукрашенными резьбой, были и новгородские суда, память о которых сохранил наш народный эпос. Трудно приурочить былины о Соловье Будимировиче и о Садко именно к рассматриваемому нами периоду времени, но если учесть, что в Садко можно усматривать летописного Сотко Сытинича, упоминаемого в новгородской летописи под 1167 г., то и некоторые элементы новгородского народного эпоса мы можем так же отнести к XII в.⁵

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 50, 108. — Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 341.

² Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 422.

³ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 359.

⁴ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 293.

⁵ В. Н. Бернадский. Господин Великий Новгород, стр. 46.

Какова же была грузоподъемность русских судов? Прямые указания мы имеем только на грузоподъемность русских судов, совершающих морские походы. Договор Олега 907 г. говорит прямо «а в корабли по 40 мужь». ¹ Из сочинения Константина Багрянородного «De ceremoniis aulae Byzantinae» мы узнаем, что на 7 русских судах помещалось 415 воинов, на 10 (может быть 11 — 12) — 629 воинов. ²

Таким образом, надо полагать, что русские морские суда вмещали 40—60 человек. Конечно, в лодьи грузилось оружие, одежда, пища, пресная вода. Все это заставляет нас прийти к выводу о достаточно больших для морских походов размерах «морских лодий». В то же самое время русские лодьи были легки, подвижны и, относительно, невелики, что обуславливало и соответствующую тактику морского боя.

В распоряжении судостроителей древней Руси имелись разнообразные и довольно совершенные орудия труда: топоры, долота (простые и втульчатые), пилы, сверла, скобеля, тесла.

Скобелем снимали кору с колод, теслом отделявали доски («тес»), выдалбливали и обстругивали лодьи, сверлом проделывали отверстия в досках и кокорях, сшиваемых прутьями или сколачиваемых деревянными гвоздями.

Очень рано в судостроении на Руси стала применяться пила. Пилы были небольшие по своим размерам и напоминали современные «ножовки». Употреблялись они только для мелких работ. Деревья рубили топорами, тесали доски тоже топорами или теслами. В искусных руках русских «древделов» топор нередко становился универсальным орудием труда.

Отправляясь в морской поход, русские брали с собой инструменты, необходимые для починки оружия и для ремонта и строительства лодий.

Так например, захватившие в 943 г. Бердаа русские «привешивают... на себя большую часть орудий ремесленника, состоящих из топора, пилы и молотка и того, что похоже на них». ³

Строительство простых судов было доступно каждому, умевшему обращаться с топором, но совершенствование русских судов привело к выделению специалистов кораблестроителей. ⁴

Из сочинения Константина Багрянородного «De administrando Imperio» мы узнаем кое-что о технике судостроения и оснащении судов. Он рассказывает, что «однодеревки (μονοξύλα), приходящие в Константинополь из внешней Руси», изготавливаются

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 30.

² Константин Багрянородный, ук. соч., Vol. I, Вопнае, 1829, стр. 664, 665. — Ф. И. Успенский. Русь и Византия в X в., стр. 10.

³ А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 332 г. — 943/4 г. ... «Византийский временник», 1926, т. XXIV, стр. 65.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 407—413, 509.

и оснащаются следующим образом: «славяне... рубят однодеревки в своих горах в зимнюю пору и, обделав их, с открытием времени (плавания), когда лед растает, вводят в ближние озера. Затем, так как они (озера) впадают в реку Днепр, то оттуда они и сами входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают руссам. Руссы, покупая лишь самые колоды», превращают далее такую колоду в корабль.¹

Таково начало строительства древнерусского «корабля» времен Олега и Игоря. Прежде всего в дремучем лесу выбиралось огромное дерево: осина, осокорь, липа или дуб. Исполины лесов в те времена были не редкость. Иосафат Барбаро еще в XV в. видел на Руси липы, выдолбленный ствол которых служил колодой — остовом лодки, вмещавшим 8—10 людей и столько же лошадей.² Срубив дерево, его обрабатывали и путем обтесывания, долбления и выжигания колоде придавали лодьеобразную форму. Затем колоду распаривали и разделявали ее кольями для придания соответствующей формы и размеров. Операция эта требовала большого количества времени.

Существовал в свое время и другой способ приготовления такой колоды, требовавший от двух до пяти лет. Он заключался в том, что в дереве еще на корню делалась трещина, которая постепенно расширялась путем вбивания клиньев и распорок. Когда дерево принимало соответствующую форму, его срубали, распаривали и, мягкое и податливое, окончательно отделявали распорками и топорами.³

Такие колоды-однодеревки и пригоняли весной в Киев в IX—XI вв. Далее Константин Багрянородный сообщает, как «руссы» оснащают однодеревки, снабжают их уклучинами, веслами и прочими снастями. Тут же их обшивают досками. Строились «набойные лодьи». Доски прикреплялись к колоде либо деревянными гвоздями,⁴ либо пришивались (отсюда позднейшее «шитик») ивовыми прутьями или корнями можжевельника.⁵

Готовясь к выходу в море, на острове Евферия, «руссы» в случае, если это необходимо, дополнительно («опять») «снабжают свои однодеревки недостающими принадлежностями, парусами,

¹ Известия Византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 8.

² Библиотека иностранных писателей в России, т. I, стр. 57.

³ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 372, 373.

⁴ Благодаря любезности чл.-корр. АН СССР, профессора Ленинградского университета В. И. Равдоникаса, на раскопках в Старой Ладоге в 1948, мне удалось видеть «кокоры» со следами деревянных гвоздей, использованные в постройках X века.

⁵ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 373, 374. — П. И. Белавенец, ук. соч., стр. 16.

мачтами и реями, которые привозят с собой». ¹ Из этого отрывка сочинения Константина Багрянородного мы узнаем, что окончательная отделка русской лодьи, направляющейся в Царьград, происходила уже в пути, на острове Евферия (Елферия, Ефферия), последней стоянке русских перед выходом в море. Здесь они прилаживали к своим кораблям мачту с реей («шегла»), устраивали уключины («ключь»), паруса («пре»), весла, якорь, а быть может, катки и колеса для «волоков» (в этой связи не покажется уже столь фантастическим рассказ летописи о том, как Олег поставил свои суда на колеса). Иногда, как во время похода Владимира Ярославича 1043 г., лодьи снабжались таранами. Быть может для непотопляемости и остойчивости «корабли» древних руссов, как и чрезвычайно на них похожие «чайки» и «дубы» казаков, по бортам окружались связками сухого черета (камыша).

Плавали по морю, держась берегов, боясь потерять берег из виду. Ориентиром служили знакомые очертания берегов, звезды, солнце.

Выступавшие покровителями купцов и путешественников, плававших по Черному морю (договоры Олега и Игоря с греками предусматривают помощь потерпевшим кораблекрушение со стороны русских), русские в то же самое время были опасными врагами на море.

Сам характер русской равнины, политические границы Руси, заключавшие в себе главнейшие политические центры страны, отстоящие довольно далеко от моря (Киев, Переяславль, Чернигов, Ростов, Смоленск, Псков, Новгород, Полоцк, Червен, Перемышль; Тмутаракань, Олешье, Корчев, «города подунайские», конечно, не могли сравниться с этими крупнейшими городами Руси), диктовали особенности русского судостроения и мореходства, русской военно-морской тактики. Пороги и «волоки» требовали плоскодонных судов с минимальной осадкой, легких и сравнительно небольших по размерам. В то же самое время суда должны были быть достаточно грузоподъемны, дешевы и просты в постройке. ² Такой тип судна диктовался особенностями плавания русских людей, — одно и то же судно должно было выступать и в качестве морского, и в качестве речного. Речное судно не обязательно должно было удовлетворять требованиям, предъявляемым к морским кораблям, но эти последние должны были обязательно выступать и в качестве речных судов.

В «Тактике» императора Льва мы находим указание на эту особенность русских судов: «Малые и большие дромоны ты сна-

¹ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 10.

² Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 367, 368.

ряжаешь (в зависимости) от свойств воюющих (с тобой) народов. Ибо не одна и та же эскадра (пригодна для действия против) сарацинских варваров и так называемых северных скифов (русских, — В. М.). Ибо варвары-сарацины пользуются кумбарями большими и малоподвижными, а ладьи у скифов малые и быстроходные, так как невозможно пользоваться большими кораблями на реках, впадающих в Евксинский понт». ¹ Это же указание мы находим и у Лиутпранда; «суда русов вследствие своего малого размера проходят там, где мало воды...». Русским «в их отчаянных морских предприятиях... приходилось довольствоваться теми же, лишь до известной степени приспособленными к требованиям морского плавания, судами, которые были типичными и для их днепровского речного флота вообще, хотя для этой цели и выбирались, конечно, лодьи наиболее надежные и значительные по размерам». ²

Легкость, подвижность и быстроходность русских судов диктовали и соответствующую тактику русских на море. «Полная неожиданность похода, стремительность атаки, возможность быстрого отступления в открытое море или к мелководным побережьям, плавням и речным устьям, где не в состоянии были бы настигнуть их тяжелые суда греческого флота, — такова была морская тактика наших предков, требовавшая флота если и многочисленного («покрыли суть море корабли» — говорится про поход Игоря 945 года), но, вместе с тем не громоздкого, легкого и подвижного, способного, смотря по обстоятельствам, идти как на веслах, так и под парусами». ³

В бою русские стремились разгромить врага, используя момент внезапности. Быстро нападали, пытаясь сойтись борт к борту, взять врага на абордаж, при неудаче быстро отходили, рассыпаясь по морю и стараясь ускользнуть от преследования. Типичным примером русского боя на море явилось сражение у Царьграда и во время похода 1043 г.

Целый день греческие триремы не решались нападать на русских, стоявших в строе фронта. Лишь вечером греческие суда устремились в атаку. Камнеметные машины, «греческий огонь» и страшная буря сделали свое дело. С большими потерями русские отошли в бухту. Но когда византийский адмирал Феодорокан увлекся погоней, русские, используя свое превосходство в маневренности и быстроходности, вступили в бой, разгромили греков, пустили ко дну несколько неприятельских судов, четыре галеры захватили и убили самого Феодорокана.

Из указанного видно, что скорость хода и маневренность служили средством защиты для русских судов.

¹ Migne. Patr. gr., t. CVII, cap. XIX, § 69, стр. 1011.

² Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 368.

³ Там же, стр. 368

Основным принципом ведения войны в древней Руси было единство военных действий и на суше, и на море (походы Игоря, Святослава и др.). Война велась всеми средствами.

Походы предпринимались одновременно и по суше, и по морю, поход по суше превращался в морской (поход 943 г. на Бердаа), и морской заканчивался военными действиями или продвижением по суше (1043), с судов высаживались десанты, в том числе конница.

Внутри воинства древней Руси никакого деления на сухопутное и морское не было и быть не могло. Один и тот же воин по мере надобности сражался и на море, и на суше.

Дружинная организация в одинаковой степени была присуща русским «воям», ведущим военные действия и на суше, и на море.

Среди русских воинов-мореходов действовал тот же «закон русский» и та же «Русская Правда», которыми руководствовались княжьи «моужи», творя суд по земле Русской.

Никакого особого оружия русские мореходы не знали. Отправляясь «за море», русские воины брали с собой те же мечи и копья, луки и стрелы, боевые топоры и щиты, облачались в те же кольчуги и надевали те же шлемы, которыми они разили врагов или оборонялись от них на суше.

Заканчивая рассмотрение судостроительного мастерства и мореходного искусства на Руси IX—XII вв., мы приходим к выводу, что и в этой области, как и во многих других, Русь шла своим самобытным путем, отнюдь не отгораживаясь от соседей, заимствуя у них и, в свою очередь, передавая им свои навыки, свой опыт, свое искусство, создавая оригинальные суда и своеобразную морскую тактику, эффективную и живучую, унаследованную в модифицированном виде и казаками XVI—XVII вв. и галерным флотом Петра, и превзойдя многие народы в области судостроения как по качеству, так и по количеству судов, а главное, в мореходном искусстве и морской доблести, заслуженно вошла в историю как страна предпринимчивых и доблестных «пенителей морей».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

Абдул-Касим 26
 Абуль-Феда 50, 56, 57
 Айналов Д. 67
 Александр Македонский 57, 60
 Александр III 115
 Алексей Комнен 35
 Али-Ибн-ал-Хайсам 46
 Аль-Дуфий 47
 Аль-Мекин 84
 Альфред Великий 27, 126
 Анангаст 15
 Анастас 55, 84, 85
 Анастасий 12
 Андрей Александрович 127
 Андрей Боголюбский 102
 Анна 82, 83, 85—87, 89, 103
 Анна Комнен 99
 Антоний 67
 Анучин Д. 129
 Аренс Е. 1, 2, 14
 Аристакес Ластивертский 87
 Арциховский А. 97
 Аскольд 1, 23, 38—40
 Асохик 81, 87
 Аталиот 90
 Ахмат 106
 Ахмед-аль-Якуб-ал-Катиб 48, 71
 Ахситан 106

Баград 87
 Базилевич К. 2
 Барбаро Иосафат 45, 137
 Баренц 107
 Барсамов Н. 97
 Бартольд В. 46, 47, 49, 50, 59,
 60, 71, 73, 88
 Бахрушин С. 82
 Белавенец П. 1, 2, 133, 137
 Бережков М. 111, 112
 Берладник Иван Ростиславич 73
 100, 102—104
 Бернадский В. 135
 Бертъе-Делагард 83

Биргер 119
 Боак 36
 Боднарский В. 125
 Бож 16
 Бравдин 23
 Брейе Луи 36
 Браун Ф. 62, 98

Варда Скляр 79
 Варда Фока 79, 80, 86, 87
 Василек Юрьевич 100
 Василий II Болгаробойца 79—83,
 87
 Василий Македонянин 34—36, 38
 Васильев А. 35, 36
 Васильевский В. 2, 21, 23, 30, 31,
 34, 35, 69, 86—91, 99
 Вениамин Тудельский 63
 Веселаго Ф. 1
 Вестберг Ф. 47
 Висковатов А. 1, 2
 Вишневецкий Дмитрий 102
 Владимир Андреевич 93
 Владимир Мономах 21, 129
 Володимир Мьстиславич 93
 Владимир Святославич 35, 55, 63,
 79—87, 89—91, 95, 97, 103
 Владимир Ярославич 13, 99, 138
 Владимирский-Буданов М. 35, 113,
 114, 126, 134
 Всеволод Ярославич 91
 Всегорд 15
 Всеслав 99
 Вышата Остромирич 89—91, 99
 Вячеслав 99

Гакон 24
 Гаральд Гардрад 87, 88,
 Гаркави А. 28, 29, 38, 39, 44, 46,
 51, 63, 70, 71, 98
 Гедеонов С. 131
 Гезихий 131
 Географ Баварский 29

- Георгий Амартол 40, 55
 Георгий Кедрин 13, 24, 36, 64, 66,
 74, 81, 86, 89, 90
 Георгий Маниак 88
 Георгий Мтацминдели 12, 13, 19
 Геродот 3
 Глеб 97
 Глеб Городеньский 93
 Глеб Гюргевич 93
 Грегуар 30, 31
 Греков Б. 52, 83, 85
 Григорий Бар-Эбрей 50, 56, 57
 Григорьев В. 44—46, 57, 58
 Грушевский М. 18, 33, 67, 103,
 125
 Голубовский 44, 45
 Гюрята Рогович 124, 126, 127
 Гюрята Семкович 103
- Д**авид 93, 103
 Даниил Романович 98, 103—105
 Дашкевич Н. 100, 101
 Де-Гуе 28
 Держикрай Володиславич 104
 Джанашвили М. 12
 Джэбе 105
 Дир 1, 23, 38—40
 Доброгаст 15—17
 Добрыня 79
 Дорн Б. 39, 44, 56, 57, 106, 107
 Дробинский А. 26
- Е**втихий 79
 Емин Семен 115
- Ж**данов Р. В. 82
 Ждьберн 85
 Жермен да Коста Лује 30—31
- З**агоскин Н. 130—133, 135, 137—
 139
 Захарий 117
 Зонара 13, 35, 64, 81, 86
- И**бн-Абд-аз-Захыр 106
 Ибн-аль-Асир 50, 56—58, 105
 Ибн-аль-Факих 29
 Ибн-Мискавейх 50, 56—58, 60
 Ибн-Фадлан 129
 Ибн-Хаукаль 63, 69—71, 73
 Ибн-Хордадбех 22, 26, 27, 28, 29
 Иван Войтишич 99
 Иван Калита 127
 Иван Творимирич 89—91
 Иван Ярославич 99
 Игорь 10, 13, 16, 17, 19, 25, 32,
 48, 50—56, 58, 64, 66, 84, 89,
 95, 99, 137—140
- Идар 16
 Идриси 98, 103
 Иехуда-бен-Барзиллай 50
 Изяслав Мстиславич 135
 Иннокентий III 122
 Иоаков Мних 81
 Иоанн 115
 Иоанн Геометр 79
 Иоанн Грамматик 31
 Иоанн Диакон 32—34
 Иоанн Скилица 74
 Иоанн Упсальский 119
 Иоанн Цимисхий 75—78
 Иоанн Эфесский 8
 Иордан 9
 Ираклий 12
 Исмаил I 48
- К**арамзин 73
 Каргер М. 17, 18
 Карл Великий 26
 Кий 17, 18
 Коковцев П. 50
 Константин Багрянородный 15
 16, 18, 25, 55, 61, 62, 64—67,
 85, 86, 99, 132, 136—138
 Константин Копроним 18, 52
 Константин Мономах 73, 90, 91,
 99
 Константин Философ 37
 Кочин Г. 132
 Крачковский И. 130
 Кулаковский Ю. 98, 99, 101
 Кулишер И. 113
 Куник А. 69, 106
 Куря 78
- Л**акапин Роман 49, 50, 53, 56,
 86
 Ламанский В. 37
 Ламбин Н. 45
 Лев Диакон 13, 37, 51, 52, 74—78,
 83, 86, 138
 Лев Остийский 88
 Лев Философ 34, 35, 37
 Лишиц Е. 31
 Лиутпранд 18, 51, 139
 Лихачев Д. 111
 Ловягин Е. 33
 Ляпушкин И. 54, 97
 Людвик I Благочестивый 23, 24,
 26, 27, 37
 Люценко 97
- М**аврикий 8—10
 Мавродин В. 45, 50, 55, 75, 84,
 99—101

Мануил 98
Марголин 63
Марзбан-ибн-Мухамед 58, 59
Маркс К. 14, 23, 42, 59, 72, 73,
106, 107, 123
Масуди 29, 38, 39, 44—47, 51, 63,
71
Межамир 16
Миклошич 100
Миллер 100
Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши 46, 47
Мирошка 113
Михаил 22, 32—34
Михаил Пселл 81, 83, 84, 90
Моисей Каганкатвази 50, 56
Мстислав 93, 96
Мстислав Давидович 134
Мстислав Изяславич 93, 103
Мстислав Юрьевич 100
Мухамед Эль-Хасан 39, 44

Насонов А. 51, 54, 55, 69
Нестер 41
Низами 50, 56, 57, 60
Нижита Пафлагонынин 33
Никитин Афанасий 106
Никифор 13
Никифор Фока 12, 75
Никон 96, 97

Олай Эрик 120
Олег 10, 13, 16, 17, 19, 32, 40—
43, 47, 48, 50—52, 56, 61, 66,
89, 95, 98, 136—138
Ольга 25, 64—67, 86
Орлова В. 127
Оттер 27, 126
Оттон Великий 80

Павел 125
Пальмшёльд 122
Пархоменко В. 35
Пашуто В. 105, 190
Петр 74
Петр I 14, 107, 140
Петрона 24
Пимен 106
Платонов С. 126
Плиний старший 3, 130
Попов Д. 84
Пресняков А. 34, 57, 80—82
Приселков М. 35, 37, 41, 42, 52,
54, 55, 73, 96
Прокопий 8—10
Птоломей 3

Равдоникас В. 133, 134, 137
Рейн Г. 6, 118
Розен В. 35, 80
Репников Н. 97
Роман II 52, 67, 80, 86
Ростислав 55, 84, 93, 96, 97
Ростислав Рюрикович 101
Рубрук Вильгельм де 98, 106
Рудольф 117
Рыбаков Б. 11, 136
Рюрик 93
Рюрик Ростиславич 102

Савваитов П. 111
Сагайдачный 17
Садко 135
Свен IV 111
Свенельд 78
Святополк Изяславич 41
Святополк Окаянный 85
Святослав Всеволодович 103
Святослав Игоревич 17, 63, 66—
70, 72—79, 84, 96, 97, 100, 140
Святослав Ольгович 126
Святослав Ростиславович 117
Симеон Логофет 51, 55
Слабченко М. 22
Смирнов А. П. 97
Смирнов П. 49
Соловей Будимирович 135
Сотко Сытинич 135
Софокл 4
Срезневский И. 131
Сталин И. В. 93
Стефан 52
Субзде 104, 105
Сулима 17

Тацит 3
Тиандер К. 26
Тизенгаузен В. 105, 106
Толстов С. 6, 60, 71
Томсен
Торрер 126

Успенский Ф. 86, 136

Феодорокан 139
Феодосий 23, 97
Феофан 13, 18, 49, 52, 55
Феофания Музалон 23, 98
Феофил 23—27, 32, 37
Фольквин 122
Фома Ратиборович 100
Фотий 31, 32, 34, 35, 37—39
Фредегар 9

Хасан Утруш 46
Хвалибуд 15
Хрюсохейр 89

Циглер Якоб 114

Ченслер 107
Черепнин Л. 105

Шабангарий 47
Шафарик П. 29
Шахматов А. 83, 96, 114
Шестаков С. 84
Шехтер 49
Шукралаг 47

Энгельс Ф. 9, 11, 73, 106, 123

Юрий Долгорукий 135
Юрий Домамирич 104, 105
Юрий Нестерович 104
Юстен 117, 122
Юстиниан 9, 18

Яков 113
Якубинский Л. 132
Якубовский А. 31, 48, 50, 58, 59,
105, 136
Якун 104
Якут 50, 56, 57
Ярополк 78, 93
Ярослав Владимирович 113
Ярослав Луцкий 93
Ярослав Мудрый 10, 19, 21, 89,
91, 95
Ярослав Осмомысл 73
Яхья-ибн-Саид 79—81, 84

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

- А бесгун 39, 43—45
 Абидос 80, 89
 Або 107, 109, 110, 114, 120, 122
 Адриатическое море 11
 Азербайджан 45, 57, 58
 Азия 5, 11, 12, 52, 87, 105
 Азовское море 25, 54—57, 92, 95,
 98, 107, 128
 Аюлятра 75, 100, 101
 Аландские острова 110
 Александрия 63, 131
 Альмарстек 119
 Амастрида 21, 25, 27, 133
 Амур 124
 Англия 11
 Андалузия (Андалус) 63, 69, 71—
 73
 Анжиле 44
 Апулия 11, 12, 88
 Аравия 26
 Архипелаг 11
 Аскый Торг 100
 Атлантика 2
 Африка 63, 71, 88
 Ахайя 11
 Ахиллов бег 62
- Баб-аль-Абваб** 70, 71
 Багдад 26—28, 39
 Баку 45
 Балканы 5, 72
 Балтийское море 3—6, 11, 60, 72,
 92, 95, 107—109, 112, 114, 115,
 121, 123
 Баня 100
 Баренцево море 72, 107, 128
 Бари 64, 88
 Белгород 100, 101
 Белобережье 29, 32, 53, 55, 62, 78
 Белое море 72, 92, 107, 123—128
 Белозерск 126, 127
 Белоозеро 102
- Бердаа 39, 48, 50, 54, 56—59, 72,
 96, 133, 136, 140
 Березань 29, 32, 53, 55, 61, 62,
 137, 138
 Берингово море 124
 Берладь 100—103
 Бессарабия 100
 Биармия 126
 Болгария 48, 56, 73—77
 Босфор 51, 52, 65, 71
 Ботнический залив 123
 Буг 11, 13, 14, 29, 106
 Буковина 100
- Вага** 126
 Варангер Фиорд 107
 Варна 74, 90
 Видицов 74, 100
 Византия 9—11, 13, 15, 17, 19—
 22, 24, 25, 27, 30—32, 34, 36—
 39, 40—43, 47, 53, 55—57, 59,
 62, 62, 66—69, 72, 73, 74,
 78—82, 85—91, 94, 96, 99, 100,
 130, 131
 Висби 61, 107, 108, 110, 111
 Висла 3, 4
 Витичев 62
 Вифиния 52
 Вичин 99
 Водла 125
 Волга 5, 7, 22, 28, 39, 44, 45, 60,
 61, 63, 67, 69, 70, 72, 127
 Волхов 61, 109, 110
 Воронья 117
 Восток 56, 67, 72, 111, 115, 130
 Выг 125
 Вытегра 125
 Вышгород 61
- Галиция** 100
 Галич 100
 Ганза 109, 112
 Гарда 108, 111

Гданск 4, 11
Генуя 103
География св. остров 61, 62
Германия 25, 26
Гибралтарский пролив 71
Гилян 44, 45
Гиндукуш 5
Городок 100
Готланд 108—113, 116, 119, 121
Готский берег 134
Греция 1, 11, 131
Грузия 88

Дагестан 51
Дайлеман (Дейлем) 44, 45
Далмация 86
Дания 11, 61, 107, 108, 110—112,
116
Двина 7, 14, 60, 61, 107, 125—
127
Дербент 56, 57,
Дерпт 120
Десна 60, 61, 96
Джибала 28
Джарбекир 87
Диррахиум 86
Дичин 63, 74, 99—101, 104
Днепр 7, 13—17, 19, 25—29, 31,
45, 52, 53, 55, 60—63, 65, 67,
68, 78, 83, 90, 93, 94, 96, 97,
102—107, 135, 137
Днестр 7, 13, 29, 63, 100—104
Дон 14, 22, 27, 28, 39, 44, 45, 59,
60, 67, 69, 98, 99, 101, 102, 106
Доростол 74—77
Дрествин 75, 100—101
Дристра 99, 100
Дубровник 11
Дунай 4, 5, 14, 16, 18, 19, 52, 53,
68, 72—74, 77, 99—102, 104,
105

Европа 5, 7, 13, 25, 27, 31, 40, 41,
59, 67, 71, 81, 107, 116, 123,
130
Емца 125, 126
Ессули 16

Заволочье 127, 128
Закавказье 39, 43, 44, 48, 56, 58—
60, 67, 71, 98
Закарпатье 59
Запад 73, 109

Иван Погост 126
Иерусалим 98

Иллирия 11, 12
Ильмень 61
Ингельгейм 23, 26—27, 31, 37
Иртыш 124
Испания 26, 63, 71—73, 86
Италия 15, 86, 88
Итиль 45, 46, 48, 63, 69—72

Каварна 75, 100, 101
Кавказ 44, 50, 51, 54, 67, 69, 70,
72

Казахстан 5
Калабрия 86
Калка 104—106
Калмиус 98
Кама 70
Камлидж 28
Камчатка 124
Канев 93, 95
Канны 88
Карантинная бухта 83
Карелия 116, 119, 125
Карельский перешеек 92
Карна 75, 100, 101
Карпаты 4, 21, 61
Каспийское море 5, 22, 28, 29, 39,
43—51, 54, 56, 57, 59, 60, 63,
92, 93, 95, 106, 107, 123, 128

Каяла 99
Кегрела 126
Керченский пролив 45, 51, 52, 54,
59, 60, 84, 98, 106
Керчь 21, 23, 97, 98
Киев 1, 17, 20, 23, 25, 30, 38, 40,
51—53, 61, 62, 64, 65, 67, 69,
73, 78, 81, 83, 96, 97, 100, 102,
107, 137, 138

Киклады 11, 12
Килия 75, 100, 101
Климаты 67, 68

Коктебель 97
Колгуев остров 107
Коломыя 100
Кольский полуостров 128
Кольма 124
Конотоп 74

Константинополь 1, 12, 13, 16, 18,
24, 25, 27, 31—37, 40—42, 48—
53, 60, 63—67, 79, 86, 88—90,
93—95, 98, 103, 133, 136, 138,
139

Копет-даг 5
Корочюнов камень 100
Корчев (Керчь) 73, 138
Котлин 61, 110, 112
Краков 39

Крарийская переправа 16, 61, 62
Крит 11, 12, 64, 67, 86
Крым 21, 23, 32, 45, 53—57, 63,
67, 69, 73, 84, 96, 97, 105, 106
Кубань 59
Кур-остров 126
Кура 57—59
Куришгаф 5
Курляндский полуостров 117
Кучелмин 102
Кюмень 114

Лага 125
Ладога 21, 60, 61, 107, 110, 117,
125
Ледовитый океан 107
Лемнос 89
Ливонский орден 112, 118, 122
Линданисса 107, 109, 110
Ловать 61
Лукания 15
Лукоморье 33, 98, 123, 124
Любеч 107, 108, 110, 112, 116,
121
Любец 61

Магдебург 120
Мангышлак 71
Мдин 74, 100
Мелар 118—120
Меотийское озеро 3
Месимврия 63
Мидия 28
Молдава 100
Молдавия 100
Мраморное море 71, 73

Наль-остров 126
Нарова 92
Нева 11, 60, 61
Неман 5
Немечь 100
Нечюн 100
Неясыть 62
Новая Земля 107
Новгород 23, 25, 40, 61, 107—109,
111—124, 127, 128, 138
Новое Село 74, 100
Норд-кап 107
Ноуси 117
Нюхча 125

Обь 107, 124
Одер 61
Ока 5, 7, 21, 61, 69, 126.
Олешье 29, 55, 63, 102—104, 138
Онега 125, 127

Онежская губа 125
Онежское озеро 125
Охотское море 124

Пафлагония 52
Паша 117
Пелагония 88
Пенджагезар 44
Перемышь 138
Переяславец 17, 75
Переяславль 138
Персия 50, 51
Печенга 107
Печера 124
Пинега 126
Поволжье 70
Подолия 100
Полесье 61
Полоцк 25, 138
Польша 26, 102
Порккала-Удд 110
Припять 60
Пропонтида 21, 89, 90
Прут 73
Псков 25, 97, 121, 138
Пустозерск 102

Ракула 126
Ревель 109, 111
Рига 134
Рим 105
Родос 98
Романов Торг 100
Ростов 25, 138
Русь 9, 10, 14, 16, 17, 19—22,
24—26, 28, 31, 32, 34, 37—39,
42, 43, 47, 49, 51, 52, 56, 58,
60, 63, 64, 66—69, 71, 73, 74,
75, 77—82, 85—94, 96, 97, 99,
101—103, 105—108, 114, 117,
119, 121—123, 128, 132, 134,
138, 140

Сан-Яго-де-Компостелла 71
Сарема 110
Сари 44
Саркел 24, 44, 45, 69
Сарматия 3
Сатараха 23
Свирь 125
Севастополь 97
Севилья 71
Селина 63, 74
Семендер 69—72
Серет 73, 100
Сечь 101, 102
Сна-Ку 70, 71

- Сигтуна 107—110, 112, 115, 116,
 119—121
 Синоп 21, 105
 Сирия 87
 Сицилия 64, 88
 Скандинавия 6, 102, 138
 Смоленск 61, 102, 138
 Солунь 11, 12
 Сочава 100
 Средиземное море 11, 71, 73
 Средц 79
 Старая Русса 61
 Стокгольм 119
 Стрелецкая бухта 83
 Сума 125
 Сурож 21, 23, 25, 27, 133
 Сясь 117
- Табаристан 45, 46, 48
 Таврия 55
 Тамань 44, 45, 51, 55—59, 67,
 97
 Татарская АССР 48
 Текучий 100
 Теревинт 33
 Терский берег 107
 Тихий океан 72,
 Тмутаракань 44, 45, 49, 50, 54,
 59, 73, 84, 92, 96—99, 123,
 138
 Тре 124
 Трнов 74, 100
 Туркестан 5
 Турку 115
 Туррис 18
- Урал 24
 Ухт-остров 126
 Ушица 102
- Финляндия 110, 115—118, 122
 Финмаркен 107
 Финский залив 61, 92, 110, 115,
 118, 123
 Фракия 52
- Хазария 22, 24, 25, 27, 37, 46,
 48, 56, 57, 67, 69, 70, 73
 Хельсинки 114
 Херсонес (Корсунь) 21, 23, 31, 54,
 55, 63, 81—85, 96—98
 Химс 87
 Хиос 79
 Холмогоры 126
 Хорезм 47
 Хортица 61, 104
 Хотин 100
 Хризаполь 61, 79, 80, 86, 87
- Цымянская 44**
- Червень 138
 Черемаш 100
 Черн 100
 Чернигов 61, 96, 97, 138
 Черное море 11, 13, 14, 17, 21, 22,
 25, 27, 28—30, 32, 33, 39, 43,
 44, 50, 55, 56, 60—62, 68, 73,
 83, 92—96, 98, 99, 101—107,
 109, 116, 123, 128, 138
 Чехия 26, 39
- Швеция 110, 112, 113, 115—122
 Шегфе 87
 Шексна 127
 Шемаха 106
 Ширван 39, 44, 106
 Шлезвиг 111, 112
 Шпицберген 72, 107
- Эгейское море 11, 71, 73
 Эгина 22, 27
 Элада 131
 Эльба 5—7
 Эпир 11
 Эрзерум 87
 Эридан 4
- Югорская земля 124
 Югра 102

Редактор И. И. Смирнов

Подписано к печати 5/IX 1949 г.
 Печ. л. 9¹/₂ + 2 вкл.

М-25549
 Уч.-изд. л. 10.3

Тираж 6000 экз.
 Заказ № 4680

4-я типография им. Евг. Соколовой Главполиграфиздата при Совете Министров СССР,
 Ленинград, Измайловский пр., 29.

